

М а т ь я н а Т Р О Н И Н А

Я ТЕБЯ НАЙДУ

ИНОГДА СУДЬБА ДАЕТ
ШАНС ВСЁ ИЗМЕНИТЬ

НУЖНО ТОЛЬКО
СЛЕДОВАТЬ
ЗОВУ СЕРДЦА

Татьяна Трoнина

Я тебя найду

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тренина Т. М.

Я тебя найду / Т. М. Тренина — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093842-1

Много лет Вероника считала себя счастливой, но поняла, что это не так. Воспоминания о последнем школьном звонке все чаще стали посещать ее. Майская прохлада, запах сирени и веселый гул голосов... А что, если найти того, в кого она была влюблена двадцать лет назад?.. Чтобы посмотреть на этого человека, и ничего больше! Но могла ли женщина знать, к чему приведет сентиментальное путешествие в тот далекий май и какие тайны прошлого и настоящего оно вдруг откроет?.. Ранее роман выходил под названием «Одноклассница.ru»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093842-1

© Тренина Т. М., 2018
© Эксмо, 2018

Татьяна Тренина

Я тебя найду

*«У Господа один день, как тысяча лет,
И тысяча лет, как один день».*

Апостол Петр (2 Петр, 3,8)

– ...Я – стейк гай, как говорят американцы... То есть – мясной парень. Стейк гай, – выделяя каждое слово, повторил Тарас. Потом добавил снисходительно: – А ты ко мне со своей овсянкой...

– Я не против мяса, – привычно возразила Вероника. – Просто с утра полезнее углеводы, а не белковая пища.

– Да, да, да... Я в курсе.

Вероника пожала плечами и придвинула к себе тарелку с овсяной кашей. За почти двадцать лет совместной жизни она успела прочитать мужу столько лекций о диетологии, что Тарас знал о правильном питании практически все.

И дело тут было вовсе не в том, что Вероника увлекалась чтением модных журналов, где давали подробные советы о том, как сохранить фигуру и улучшить цвет лица, питаясь одним кефиром или дольками ананаса, а потом пересказывала эти советы всем встречным-поперечным, заполняя пустыми разговорами пустую жизнь.

О нет, Вероника не являлась банальной домохозяйкой, помешанной на глянце и ток-шоу...

Вероника Павловна Николаева работала в государственном учреждении – Научно-исследовательской академии питания. (Оч-чень серьезное заведение, надо сказать!...) Руководила собственной лабораторией, вела научные изыскания, являлась кандидатом медицинских наук – блестящая карьера для женщины тридцати семи лет. Если бы и платили за это соответственно (как ученым на Западе, например), то Вероника чувствовала бы себя абсолютно довольной жизнью...

Впрочем, грех жаловаться – в семье царил достаток, поскольку главным добытчиком являлся Тарас. Владелец небольшого колбасного завода. Заводика пока еще... Но все впереди, благо Тарасу Викторовичу Николаеву тоже недавно исполнилось тридцать семь. Неплохая карьера для мужчины его возраста.

И еще Тарасу было глубоко наплевать на основы правильного питания. Поскольку Тарас жить не мог без мяса.

Мясо на завтрак, на обед и на ужин.

А самым любимым блюдом из мяса был мясной стейк с румяной корочкой и сочной серединкой...

Тарас всегда жарил стейки сам, никому не доверяя этот важный процесс.

Вот и сейчас он достал из холодильника здоровущий кусок говядины, прикрытый прозрачной пленкой. Развернул, понюхал... Улыбнулся.

– Как тебе, а? – не сдержался, с гордостью сунул кусок под нос жене.

– Тарас! – недовольно отшатнулась Вероника. Она ничего не имела против мяса, но с утра, едва проснувшись и еще не избавившись от легкой хандры, свойственной большинству людей, которые вынуждены вскакивать по звонку будильника, вдыхать этот животный, почти непристойный аромат!.. Бр-р. Запах свежесваренного кофе привлекал ее в данный момент гораздо сильнее.

– Ты ничего не понимаешь!

– Куда уж мне...

Тарас большим остро заточенным ножом отрезал от куска ровный пласт, потом снова занес нож над разделочной доской.

– На тебя жарить?

– Нет, спасибо. А вот в обед – не откажусь... – пробормотала Вероника, стараясь не смотреть, как муж колдует над мясом. Почему-то ей это было сейчас противно. «Может, я беременна? – с ужасом подумала Вероника, но тут же успокоила себя: – Нет, нет, невозможно...»

Вероника не хотела детей. Еще есть время. Еще столько незаконченных дел, главное из которых – завершить работу над препаратом, условно названным «витазион». Дети – зачем они нужны? Ну разве что тем самым скучающим домохозяйкам и прочим, кто не может реализовать себя никак иначе.

Тарас – вот тот в принципе был не против продолжения рода. Но, слава богу, без фанатизма. Будут дети – хорошо, не будут – тоже ничего плохого. В этом смысле Веронике с мужем повезло.

Тарас тем временем бросил сырой стейк на раскаленную сковородку.

Вероника со скромным видом доедала свою овсянку.

– Со своего завода притащил? – Она кивнула на сковородку со шкварчающим мясом.

– Ты что! У нас импортное... Аргентина, Бразилия, – усмехнулся Тарас. – А это – от Филипыча. Я только у него беру. Мэйд ин Рязань.

– Ага, сам отечественным питаешься, а народ не пойми чем травишь... – подколола мужа Вероника, постепенно выходя из утреннего ступора.

– Перестань, Ника, – моментально напрягся Тарас. – Привозное не хуже нашего, просто... Ты же знаешь, я должен своими глазами видеть, *что* я ем. Бзик у меня такой. Если бы жил я в этой Аргентине... И колбасы я не ем... Только мясо в чистом виде!

Тарас покупал мясо на рынке у знакомого фермера – того самого Филипыча. Время от времени ездил к нему в гости, наблюдал, как тот ухаживает за коровами, чем кормит их, как забивает и прочее... Это было главной тайной Тараса.

Ну как же – колбасный король, который не ест колбасы. И даже того мяса, которое привозят ему из-за границы!

– Насчет колбасы – это правильно, – благосклонно кивнула Вероника. – Это я тебе как дипломированный специалист говорю! Белок в чистом виде гораздо полезней.

– Вот видишь, как мы друг друга понимаем! – засмеялся Тарас, переворачивая стейк на сковородке. – Вообще, я тебе вот что хочу сказать... Мы, пищевики, – ну все те, кто имеет отношение к продуктам, пищевой промышленности, – странные люди. Мы эту кухню, образно выражаясь, знаем изнутри.

– Так все плохо? – В глазах Вероники вспыхнул профессиональный интерес.

– Нет-нет, что ты... Есть контроль, есть ГОСТы, – покачал головой Тарас, глядя на сковородку. – Но ГОСТы мало кто соблюдает. Я своими глазами видел... Во многом знании многие печали. Я знаю, в каких условиях производят продукты, как хранят, как перевозят... Ты вон – каша, каша... А в твоей каше – мышиный помет может быть! Где крупы хранят – там обычно грызуны бегают.

– Тарас! – сердито захохотала Вероника, облизывая ложку.

– Ешь, ешь свою овсянку, оздоравлийся!

– Тарас, я тебя убью...

– А каково мне – каждый день слушать лекции о здоровом питании?!

– А я, к твоему сведению, ничего не имею против мышей! Я с ними в лаборатории работаю бок о бок... Они мне уже как родные!

Они препирались без всякой злобы, весело. Борьба нанайских мальчиков...

Тарас положил зажаренный стейк на тарелку, сел напротив Вероники и принялся без всякого перехода рассказывать, словно отвечая на чей-то вопрос:

– Это все ерунда... Неправда. Говядина не должна быть ярко-красной. Если ты покупаешь такую говядину, то знай – либо мясо не раз замораживали и размораживали, либо животинку забили так давно, что мясо для товарного вида пришлось обработать чем-то, например раствором марганцовки, а то и вообще чем потоксичней... Еще один миф – мясо должно быть постным. Нет! Если совсем без жира – то это у тебя получится сухая жесткая подошва. А жир при жарке вытопится! Вообще, в лучших сортах «мраморной» говядины постная мякоть чередуется с тончайшими жировыми прожилками – они-то и делают вкус мяса таким сочным и нежным.

Вероника слушала мужа вполуха. Все эти факты она уже тоже давным-давно вызубрила.

– ...Вкусное парное мясо – миф. Мясо только что убитого животного неароматно, жестко, плохо усваивается и обладает неприятным запахом. Мясо должно созреть, вылежаться! Говядина – двадцать одни сутки при температуре минус два, минус три... А как жарить мясо? Уж лучше не на масле. Только на сухой раскаленной сковородке по несколько минут с обеих сторон, и солить каждую сторону только после подрумянивания. Есть три степени прожарки: мясо с кровью внутри, обжаренное только снаружи, по-английски называется – rare, хорошо прожаренное снаружи и розовое внутри – medium, и третий вариант – well done, когда мясо хорошо прожарено внутри и снаружи...

– Тарас, кофе?

– Да... Спасибо. И еще что важно – приготовить из куска замороженного мяса стейк с кровью – бредовая идея. Это просто невозможно сделать! Мясо должно быть медленно, очень медленно разморожено заранее... – Тарас прожевал кусок, с удовольствием проглотил, закрыв глаза. – Говядина имеет очень приятный вкус именно тогда, когда она лишь слегка прожарена...

– Тарас!

– Да, Ника? – Муж открыл глаза.

– Я вот подумала... – Вероника говорила серьезно, без тени улыбки. – Когда наступят голодные времена и мяса не будет... Ты меня тогда съешь?

Тарас закашлялся.

– Ника... Ой, вот язык-то без костей!

Вероника засмеялась. И в этот момент раздалась трель звонка.

– Домофон! – Она подбежала к переговорному устройству в коридоре: – Игорь? Доброе утро! Тарас Викторович через полчаса спустится...

Игорь был шофером мужа.

– Тарас, ты слышал? – крикнула из коридора Вероника. – Игорь уже на месте.

– Да, слышал. Тебя подвезти?

– Нет, я сама. Быстрее будет...

У Вероники была возможность самой водить машину. Или, вот как сейчас, пользоваться услугами нанятого водителя. Но зачем – от дома до академии было сорок минут ходьбы. На авто – полтора-два часа в пробках по проспекту... Выводы Вероника сделала уже давно.

Муж ушел через полчаса, а Вероника – еще несколькими минутами позже.

Выскочив на улицу, она поняла, что оделась не по погоде. Дома из окон лилось такое яркое солнце, что казалось, будто уже лето на дворе... Но майское солнце обманчиво.

Возвращаться Вероника не захотела – никогда не была неженкой. Поплотнее запахла пиджачок и прибавила шаг.

Она чувствовала себя легкой и сильной. Не боялась движения, не боялась порывов ветра, прилетевшего, должно быть, с Арктики.

Когда муж «пошел в гору», ей не раз намекали – зачем работать, если можно дома сидеть?.. Не проще ли быть королевой – рядом с колбасным-то королем?..

«С такой силой, с такой энергией – дома сидеть? – думала о себе Вероника. – Да я сама себя изнутри выжгу, если без дела останусь. И ребенок мне не нужен. Господи, какая я счастливая, что рядом со мной Тарас, что Тарас меня принимает такой, какая я есть...»

Еще Вероника про себя знала, что она – красивая. Ни единой морщины, отличная фигура (это без всякого там фитнеса-пилатеса), идеальные черты лица, великолепные светло-русые волосы. Был даже особый шик в том, что Вероника никогда не подчеркивала своих достоинств. Простой английский костюм, классические «лодочки», коса (или пучок в торжественных случаях). Минимум косметики. Знающий да увидит.

Точно метеор, она пролетела половину проспекта. Пробегая мимо железной ограды, услышала веселую музыку, разбитую бодрой невнятицей из репродуктора. За оградой находилась обычная средняя школа. Вероника притормозила, вгляделась (мешали ветки цветущей сирени) – там, во внутреннем дворике, толпились школьники. Воздушные шары, белые банты, почему-то – на старшеклассниках... Происходящее напоминало первое сентября. Но до сентября было еще о-го-го сколько...

«Праздник, что ли, какой?»

И тут Вероника вспомнила – сегодня же двадцать пятое мая. Последний звонок!

Там за оградой, на сцене, кружился хоровод из девушек. Банты и открытые платица... Наверное, выпускницы тоже дико мерзли. Юноши в костюмах неловко передергивали плечами, держа руки в карманах... Семнадцать лет – смешно и мило.

Вероника улыбнулась и побежала дальше.

Она вдруг вспомнила, что двадцать лет назад, когда прозвучал ЕЕ последний звонок, было тоже вот так холодно и солнечно. Ну да май. Обманщик-май...

В конце проспекта располагалась Академия питания – огромный комплекс зданий с огромной территорией. За каменным забором рядом – клиника при академии. Платная. Очень хорошая. В народе бытовало мнение, что там избавляли тучных людей от лишних килограммов. Но это было не совсем правдой – в клинике, помимо ожирения, лечили еще и дистрофию, помогали наладить обмен веществ тем, кто в этом нуждался, – людям с определенными заболеваниями, после операций, с болезнями сердца и почек, страдающим диабетом...

Вероника быстро переоделась в гардеробе, нацепила на себя белый халат и одной из последних оказалась в конференц-зале.

На сцене уже сидело начальство во главе с директором академии, Аванесом Ашотовичем Кутельянцем – членом-корреспондентом, профессором, доктором медицинских наук, почетным председателем всевозможных сообществ, Героем Труда и прочая, и прочая... Послужной список Аванеса Ашотовича был невероятно длинен, что и неудивительно, поскольку директору академии было семьдесят восемь лет.

Выглядел и соображал он прекрасно. Седой лев. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова...

– Итак, начнем, господа... – поднял он руку.

К трибуне подошел докладчик. Это был Родионов – он работал в клинике лечебного питания, в отделении анорексии, и все последнее время Вероника тесно сотрудничала с ним.

– Одной из причин анорексии является депрессия. Другой – снижение уровня гормонов гипоталамуса и гипофиза... Пациенты воспринимают себя слишком толстыми, иногда – считают толстыми отдельные части своего тела. Например, икры ног, щеки, ягодицы... У них возникает навязчивый страх располнеть, поэтому они могут избегать вечеринок и праздников, на которых возможно употребление большого количества еды и питья. У них также возникает интерес к изучению калорийности пищи. В питании они избегают чего бы то ни было жирного, фиксируясь на одном-двух типах продуктов, чаще фруктов или овощей. Пациенты стремятся снизить вес изнуряющими гимнастическими упражнениями. Избегают пищи, искусственным путем вызывают у себя рвоту, принимают в больших количествах слабительное. Для пациен-

тов характерны снижение настроения, суицидальные мысли, заторможенность... Разумеется, такие больные в первую очередь нуждаются в помощи психиатра, психотерапевта. Но при длительном отказе от еды в организме таких пациентов происходят необратимые изменения. Нарушаются все жизненные процессы в организме, он перестает воспринимать пищу вообще, начинается истощение, и... что нередко происходит – наступает смерть. Поэтому пациентам также необходима помощь диетологов. Наше отделение тесно работает с лабораторией обмена веществ и метаболизма, возглавляемой Вероникой Павловной Николаевой.

Докладчик остановился и кивнул.

– Вероника Павловна, прошу... – бархатно рыкнул в микрофон директор, Аванес Ашотович.

Вероника заспешила к сцене, на ходу доставая папку из сумки. Встала на трибуну, заняв место Родионова, и начала:

– О каких-либо конкретных результатах говорить еще рано. Наша лаборатория, как вы знаете, работает над веществом под условным названием «витазион», которое смогло бы поддерживать пациентов с анорексией в последней стадии болезни. Содержащиеся в витазионе витамины, микро- и макроэлементы, незаменимые аминокислоты, белковые, жировые и углеводные компоненты, гормональные составляющие должны поддержать истощенный организм. Но увы, не все вещества способны сочетаться, не все воспринимаются организмом на данной стадии болезни.

– Каковы первые данные экспериментов по витазиону? – благосклонно спросил Аванес Ашотович.

Раскрыв папку, Вероника прочитала:

– «За четыреста дней умерли почти все мыши контрольной группы. Их искусственно довели до последней стадии истощения, а затем стали кормить обычными питательными смесями. – Голос Вероники был уверенным и хорошо поставленным. Чувствовалось, что подобное выступление привычно для нее. – За это же время из мышей экспериментальной группы не умерла ни одна – им вводили витазион. В повторном эксперименте умерла одна из мышей экспериментальной группы...»

– Что ж, неплохой результат.

– Спасибо, Аванес Ашотович, – с достоинством кивнула Вероника и продолжила: – «Мыши этой группы получили по пять нмоль витазиона. В группах, получавших ноль целых пять десятых и пятьдесят нмоль, было выявлено заметное, но не столь сенсационное увеличение продолжительности жизни». Возможно, однако, что в этих экспериментах не была найдена оптимальная концентрация витазиона... – добавила Вероника уже от себя.

Ее доклад длился довольно долго, потом на трибуну вышли другие докладчики.

Конференция закончилась только в начале третьего.

Вероника столкнулась в коридоре с Машей (сорока лет) и Нонной Игнатьевной (ей было пятьдесят два) – они работали в лаборатории под ее руководством. Но отношения были на равных...

– Господи, думала, помру... Всю задницу отсидела! – вздохнула полная, всегда благодушно настроенная Нонна Игнатьевна. – Ну что, Вероника, в столовую?

– Ты слишком самокритична, Ника, – сказала Маша, лохматая, с ошалелыми, сошедшими близко к переносице круглыми глазами. – «Не найдена оптимальная концентрация»! Поди найди ее... Проще булавку в стоге сена отыскать.

Они спустились на этаж ниже, в столовую для сотрудников.

Взяли по подносу с вкусной и полезной пищей (исключая курицу-гриль, без которой не могла жить Нонна Игнатьевна), сели за отдельный столик у окна.

– Девчонки, сегодня такой день... – мечтательно улыбнулась Вероника, глядя за окно, вниз, на ярко-зеленый газон, подсвеченный солнцем.

– Какой? – дернулась Маша.

– Двадцать пятое мая...

– И что?

– А, последний звонок! – вспомнила Нонна Игнатьевна. – У моего оболтуса только через год... Ой, я прям не знаю, куда его пристроить, – призналась она.

– Пусть сам думает! – возмущенно затрясла лохматой головой Маша.

– Нет, он еще не научился думать... – благостно улыбнулась Нонна Игнатьевна. – Старшенький, Вадик, – тот да, очень самостоятельный, карьеру делает... А Петюня еще в облаках витает. Очень уж не хочется, чтобы он в армию попал.

– Ничего, может, там человека из него сделают! – упрямо дернула головой Маша. – А вы встречались? – Она уткнулась глазами-гвоздиками в лицо Веронике.

– Кто? С кем? – удивленно спросила Вероника.

– С одноклассниками своими!

– Н-нет...

– А я встречалась, – сообщила Маша. – Нашли друг друга через этот сайт – «Одноклассники. ру», или как там его...

– Чего-то я про это тоже слышала... – мурлыкнула Нонна Игнатьевна, с нежностью обгрызая куриную ножку. – А поподробней?

– Ой, Нон Игнатьевна, вся страна там зарегистрирована, одна вы неохваченной остались... – махнула рукой Маша и продолжила: – Короче, есть такой сайт в Интернете, где по месту учебы и году выпуска собраны люди.

– Ну да, ну да...

– А я тоже там не зарегистрирована, – не выдержала и призналась Вероника.

– Серьезно? – опять дернулась Маша. – Хотя... В общем, вы обе ничего не потеряли. Дурацкий сайт. Сплошное разочарование!

– Это почему же? – Нонна Игнатьевна принялась за крылышко.

– Короче, мы этой зимой решили встретиться – весь наш бывший класс... – с азартом продолжила Маша. – На фотографиях в «Одноклассниках» все такие приличные, на фоне авто, загородных домов, яхт и пирамид... Красивые-симпатичные. В фотошопе, видно, морды отрихтовали!

– А в жизни что? – засмеялась Нонна Игнатьевна.

– Ой... Короче, прихожу в кафе, где договорились встретиться. Огляделась, подумала – наверное, ошиблась адресом. Тетки какие-то. Сплошь блондинки! В шифоне и золоте. Мужики – пузени, лысины, красные щеки, костюмы... И что вы думаете? Оказалось, это все – наши!!! – потрянула лохматой головой Маша.

– Ну, милочка, что ж ты хочешь, чтобы спустя столько лет все выглядели молодыми и стройными... – благодушно загудела Нонна Игнатьевна.

– Да я даже не о том... Короче, как были дураками, так и остались! – выпалила Маша. – Говорят одно, а в глазах – совсем другое. А когда напились – так вообще из них полезло третье! Исключительно не-иск-рен-ние люди! Это грустно...

– Никто не хочет рассказывать о своих поражениях. Демонстрировать нужно только достижения и победы... – заметила Вероника.

– Точно! Хвастались, туману навели – «я в такой-то фирме работаю», «я в другой-то – и к тому же финансовым директором», «а я вообще главный менеджер...». «У нас поставки, у нас доставки, в прошлом году в Париже, следующим летом на Мальдивах...» «Ой, а я люблю читать и путешествовать, у меня есть возможность не работать...» Тьфу! – с чувством воскликнула Маша.

– Может, правда все! – захлопала редкими крашеными ресницами Нонна Игнатьевна.

– А я спорю? Но как-то... все равно неискренне! А потом что было... – безнадежно махнула рукой Маша. – Напились в зюзю. Пели караоке и даже канкан плясали! Буракова сережку брильянтовую посеяла, так и не нашли, кстати. Я слышала, как она Фокиной жаловалась: «Что будет, что будет, меня сестра убьет теперь...» Не ее, значит, серьги! Другие, как и в старые школьные времена, в сторонке сидели и «шу-шу-шу, шу-шу-шу!» между собой. Типа, они себя самыми умными считают.

– Что ж поделать, такова жизнь... – философски вздохнула Нонна Игнатьевна, отодвинув от себя тарелку с обглоданным куриным скелетиком, и умильно уставилась на творожный десерт. – Таковы люди. Но все-таки есть в этом вашем сайте что-то ностальгическое, милое.

– Ой, бросьте, Нонна Игнатьевна... Лучше бы я вообще там не регистрировалась! Жила бы и дальше в счастливом неведении... Недаром говорят – в одну реку нельзя войти дважды, – возразила Маша.

– А любовь? Да, любовь! Первая любовь – это же очень романтично... – не сдавалась Нонна Игнатьевна.

– Любовь? Ну вы скажете... В первой любви романтизма не больше, чем в первом стакане водки – эйфория в первые мгновения, а потом тошнота на следующее утро, дикая головная боль и материнские нотации! И стыд: «Господи, какая ж я дура!» – Маша замолчала, потом закончила с ожесточением: – Видела я свою первую любовь. Алкаш. В разводе. Нищ и туп.

За столом повисла пауза. Потом Вероника вдруг улыбнулась:

– Маша, Нонна Игнатьевна... Я же совсем забыла! Тарас мой – это и есть моя первая любовь. И вообще... Мы с ним в одном классе учились, можете себе представить!

– Тарас твой – чудо! – в один голос, с одним чувством (восхищения, уважения и немного – зависти) немедленно воскликнули коллеги.

– Это тебе повезло... – тут же добавила от себя Маша.

– Никакого сравнения с другими мужчинами! – кивнула Нонна Игнатьевна. – Ты его, Никуся, должна ценить...

– О, я ценю!

– Тогда тебе, Ника, никакие однокашники не нужны – у тебя свой есть, под боком!

– Ладно, девочки, приятного аппетита... – Вероника вышла из-за стола.

В туалетной комнате она вымыла руки, зашла за кафельную стенку – там, в закутке, у раскрытого окна, обычно курили сотрудники. Вероника не курила. Она открыла окно, вдохнула в себя глоток ледяного свежего воздуха, замерла.

«Дома где-то должна быть фотография... Двадцать пятого мая фотографировали, наш последний звонок. Там Тарас и я. И другие. И Андрей Максимович. И еще...»

Вероника не успела додумать мысль – сзади хлопнула дверь, раздался голос Маши и Нонны Игнатьевны.

– ...она своего счастья не понимает – а как вам кажется, Нонна Игнатьевна?

Зажурчала вода из крана.

– А по мне, так все она понимает, Машенька. Несчастные люди так хорошо не выглядят.

– Она – хорошо выглядит?! – возмутилась Маша.

Вероника, стоя у окна, замерла – какое-то шестое чувство подсказало, что коллеги говорили о ней. Надо было выйти из своего укрытия, зашевелиться, зашуметь, подать голос, заявляя о своем присутствии... Но почему-то не стала этого делать. Ей вдруг стало интересно.

– Да, она очень хорошо выглядит. Подтянутая, стройная... Больше тридцати ей и не дашь. А то и меньше...

Загудела сушилка.

Вероника улыбнулась – все бы сплетни были такими!

– Ну да, морщин у нее нет, и килограммов лишних тоже, – упорствовала Маша. – Но, Нон Игнатьевна, она ж как мумия! Законсервировалась на годы вперед! Вы заметили – она симпатичная, а ни один мужик в ее сторону не смотрит. Как будто ее нет вовсе!

– А зачем ей какие-то мужики? У нее муж – золото...

– Да нет, я не об этом... Как бы сказать... Вот вы были в музее, где статуи всякие античные?

– В греческом зале? – засмеялась Нонна Игнатьевна.

– Вроде того... Стоят они, эти боги с богинями, Артемиды и Афродиты – такие совершенные, такие прекрасные... и такие холодные!

– Ну, холодность – это не недостаток, это скорее свойство темперамента...

Хлопнула дверь, голоса затихли в коридоре. Ушли!

Как ни странно, но Вероника не чувствовала себя оскорбленной. И на Машу не обижалась ничуть. Приятно, когда о тебе говорят – совершенная и прекрасная. А что холодная – так разве это недостаток? Вон Маша – вечно вздрюченная, вечно на пределе, вечно на нервах – от нее уже третий муж сбежал...

К вечеру у Вероники слегка разболелся живот. Она окончательно убедилась, что не беременна.

Конечно, она очень основательно предохранялась (несколько степеней защиты!), но как медик всегда помнила – нет стопроцентной гарантии... И это пустячное на первый взгляд событие – все-таки не беременна! – наполнило ее радостью.

Она не хотела ребенка. Она не хотела ничего менять в своей жизни. Быть легкой, свободной, заниматься любимым делом – вот настоящее счастье. Материнство – это прекрасно, но оно не для нее.

Она прочитала кучу книг, она видела тысячу фильмов о том, как героиня узнает о своей беременности – и радуется ей. Нет, были, конечно, отдельные трагические истории из классики, где героине нельзя было заводить ребенка – по каким-то социальным причинам, например... Нет денег, или муж бросил, или мужа вовсе нет, а старомодное общество осудит появление на свет бастарда (то есть ребеночка этого незаконнорожденного), и прочее. Но даже в этих историях героиня *хотела* бы родить – если бы не данные трагические обстоятельства.

Вероника – никогда не хотела.

Такая естественная вещь – материнство – вызывала у нее неприятие. Она, будучи медиком, видела в материнстве одну физиологию. Надругательство над чистым разумом. Гормональное безумие. Тотальную несвободу. Зависимость от другого – пусть даже собственного ребенка.

Пожалуй, именно несвобода вызывала в Веронике самое стойкое отвращение.

Конечно, если бы она все-таки забеременела, то родила бы – ну надо, надо, возраст и все такое...

Или – нет?

«Сделала бы аборт», – подсказал спокойный голос внутри ее.

Когда Вероника сейчас сама призналась себе в этом, то радость ее еще больше усилилась. Раз она не беременна, то ничего не надо делать, не надо принимать никаких решений – все само собой образовалось. Какое счастье...

Находясь в приподнятом, радужном настроении, Вероника прибежала вечером домой.

Тарас уже был дома, жарил мясо.

– И на меня порцию, Тарасик... – раздеваясь в прихожей, крикнула Вероника.

– Ес... Понял. Ты в хорошем настроении, судя по голосу?

– О да! Делала доклад, Ашотович был очень доволен... Мыши в контрольной группе недохнут, препарат еще очень долго надо испытывать, но все равно... Есть перспективы!

– Я тебя поздравляю.

Вероника вымыла руки и побежала на кухню – обнимать мужа.

– Сегодня двадцать пятое мая! – неожиданно вспомнила она.

– И что?

– Ровно двадцать лет назад у нас был последний звонок. Двадцать лет прошло!

– И не говори... – вздохнул Тарас, переворачивая мясо. – Как говорится, нет повода не выпить!

Он достал бутылку вина.

– Отлично! – засмеялась Вероника и, в свою очередь, поставила на стол красивые фигурные свечи. – Будет романтический ужин... Хотя не совсем романтический, я тебя честно предупреждаю. По сокращенной программе.

Тарас оглянулся, окинул Веронику удивленным взглядом, мгновение медлил, потом у него вырвалось:

– А... Понятно.

Вероника села за стол, потерла ладони одну о другую:

– Холодно как... Отопление уже отключили, да? – и тут же без перехода выпалила: – Слушай, я вот что... Мне все уши прожужжали об этом сайте. Может, зарегистрироваться?

– Где?

– На сайте «Одноклассники. ру». По-моему, забавно.

Тарас обернулся и снова смерил Веронику взглядом – на этот раз очень мрачным.

– Ты спятила.

– Почему? Я, конечно, понимаю, что в одну реку нельзя войти дважды, но Машка сегодня такие веселые истории рассказывала...

– Да пошла она куда подальше, твоя Машка, – жестко произнес Тарас. – Чума болотная – вот она кто.

– Тарас! – с удивленным смехом ахнула Вероника. – Слышали бы тебя сейчас наши дамы... Они, между прочим, тебя чуть ли не до небес превозносят!

Муж поставил тарелки с мясом на стол, сел напротив Вероники, взял в руку нож.

– Приятного аппетита, дорогая.

– Тарас, ты иногда бываешь просто удивительно груб! – недовольно произнесла Вероника. – Чем тебе этот сайт не угодил, скажи на милость?

Тарас отрезал кусок стейка, методично прожевал его. Проглотил. Чокнулся с Вероникой бокалом, опять сморщился:

– Черт, забыл...

– Что?

– Забыл, что муж с женой не чокаются. Денег в семье не будет...

– Ты в это веришь?

– Нет, конечно... Ладно, поговорим о сайте. Ты вот думаешь, что все это – хи-хи, ха-ха... А на самом деле все очень серьезно. Опасный сайт. Очень опасный. Я бы даже сказал – самый опасный из всех.

– Почему? – удивилась Вероника.

– На первый взгляд все замечательно – благодаря этому сайту можно найти своих одноклассников, с которыми не виделся много лет. Или однокурсников. Ту девчонку, которая тебе нравилась в детстве. С кем служил в армии... Или найти друга детства – написал в строке поиска нужное имя: Вася Пупкин, такого-то года рождения, – и вот тебе пожалуйста, Вася Пупкин собственной персоной... Все крайне просто и легко, и не имеет значения, что Вася уже десять лет как в Австралии живет, – главное, чтобы он тоже на этом сайте был зарегистрирован, и все.

– Ну да, очень удобно... – нерешительно кивнула Вероника. – Так чем ты недоволен-то?

– Тем, что информация обо мне становится известна всем. В том числе криминальным структурам.

– Но ты же не будешь писать, что ты владелец колбасного завода! Только фото, имя – и все!

– Вот именно. Этого достаточно – для тех, кто в курсе, что я вовсе не бедный человек. Я не супербогач, да, но мне есть что терять... И о человеке можно узнать многое по косвенным данным. Выставляешь фото на фоне Эйфелевой башни – и всем ясно, что в отпуск ездил в Париж. Фотографируешься на фоне своего авто представительского класса – и ага, выводы сделаны. А там еще, на этом сайте, – те, с кем дружишь. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты...

– На сайте регистрируюсь только я, а о тебе – ни слова!

– Кому надо, тот все узнает.

– Это параноя, Тарас... – нерешительно возразила Вероника.

– Нет, дорогая, это жизнь, – усмехнулся муж. – Твое здоровье... Очень несложно собрать всю первичную информацию о человеке через этот твой сайт. Откуда ты родом, где жил в определенные периоды времени... Кредиторы обожают этот сайт, к твоему сведению!

– Но у тебя нет долгов...

– Мало ли что! А еще я слышал, что через «Одноклассников» военкоматы ищут своих потенциальных жертв...

– Но тебе тридцать семь лет, тебя уже никто в армию не заберет! – засмеялась Вероника, мысленно согласившись с позицией мужа и только из какого-то упрямства продолжая спорить с Тарасом.

– Всем фээсбэшникам официально запрещено регистрироваться на этом сайте... Это тебе о чем-то говорит?

– Ну надо же...

– Я не в ФСБ работаю, но... «Одноклассники. ру» – это мощная систематизация данных о населении по городам, учебным центрам, предприятиям, войсковым частям с указанием дат службы, личные данные с фотографиями... – отчеканил Тарас. – И все это в одном месте сконцентрировано, на одном сайте! А некоторые размещают еще фото своих родных, детей... Ох, Ника, даже не говори мне про этих «Одноклассников»!

– Ладно, не буду, – кивнула Вероника, погладила Тараса по плечу. – Ты прав. Ни к чему там светиться...

Тарас вздохнул, постепенно его лицо стало разглаживаться.

– И потом... – уже мягко, без раздражения, продолжил он. – Чего ты хочешь там найти? Вернее – *кого*?

– Да нет, никого конкретного, просто...

– У тебя есть один одноклассник рядом – я.

– Девчонки мне так сегодня и сказали, кстати! – засмеялась Вероника.

– Вспомни – у нас же ни одной интересной личности не было в классе. Сплошная серость! Скучные, завистливые, недалекие... Я больше чем уверен, что самые успешные – это лишь мы с тобой. Вспомни хоть Лилию Рыжову. Бр-р...

С Лилей Рыжовой Вероника сидела за одной партой в последних классах. Лилия была твердой «хорошисткой» и очень сознательной девочкой. Симпатичной – белобрысой, нежно-румяной...

Несколько лет назад Вероника столкнулась с Лилей на улице, пригласила бывшую одноклассницу к себе домой. Думала, Тарас обрадуется. Как бы не так – пришел в ужас.

«Господи, Ника, что время с людьми делает... Я бы эту Лилию ни за что не узнал, если б встретил!» – признался он потом. «А по-моему, она ничего...» – «Она чудовищна, Ника, она чудовищна! Больше никогда не приводи ее к нам. Бр-р, мерзость...» – «А она, между

прочим, кажется, была даже влюблена в тебя, Тарас!» Вероника немного обиделась за свою приятельницу.

Сливочно-зефирная Лиля, если оценивать объективно, действительно не сильно изменилась. Правда, была белобрысой, а стала фиолетово-медной. И слишком черные стрелки-тени навела вокруг глаз. Очень сухая кожа, если приглядеться... Но это – все. Тарасу же эти перемены показались отвратительными.

И дело даже не в том, что Лиля чуть-чуть постарела. «Она стала теткой», – заметил Тарас потом, после паузы. Зефир засох. Вчерашнее лакомство...

– А Женя Мещерская, а Сеня Мухин? Кеша Сvirкин? – Вероника пыталась вспомнить имена своих одноклассников. – Помнишь их?

– Тебе действительно интересно, что с ними стало?

Вероника помедлила мгновение, потом ответила честно:

– Нет.

– Ну и слава богу... – Тарас привстал, поцеловал жену в щеку. – Обещай мне, что никогда не будешь регистрироваться на этих «Однокашниках».

– Обещаю.

– Я тебя люблю.

– И я тебя люблю.

Остаток вечера прошел в милой беседе. Сначала Вероника рассказала, как идут дела с витазоном, потом Тарас поведал ей, как сегодня прошли переговоры с поставщиками.

– Ладно, все, мне завтра очень рано надо выехать... – вспомнил Тарас. – Заканчиваем посиделки.

– И я тоже устала... – От вина у Вероники стали слипаться глаза. – В небольших количествах красное сухое вино очень полезно. Взять тех же французов...

Они легли спать.

Сон приснился Веронике какой-то странный, радостно-тревожный, по мотивам сегодняшних событий и разговоров. Или вино подстегнуло ее воображение?

...Солнце. Яркое – слепит глаза, мешает. Солнце везде – бликует на стеклах, на гладких металлических поверхностях, отражается серебряными всполохами от наручных часов и даже чьих-то сережек.

Оглушительно пахнет сирень.

Холодно.

– Та-ак, не расходимся... Все сюда. Девочки, девочки! Мещерская, ну ты у нас сегодня кинозвезда... Рыжова, поправь бант, он тебе прямо на глаз сполз. Мухин! А еще взрослый парень... Андрей Максимович, я не представляю, как вы с ними справлялись...

Командует парадом Нина Ильинична – немолодая, но очень энергичная женщина. Она пытается построить 10-й «А» (тогда учились десять, а не одиннадцать лет) перед входом в школу, дабы сделать групповое фото.

Классный – Андрей Максимович – отчитывал в стороне Вовку Воскобойникова – тот был годом младше, учился в девятом и, по мнению Нины Ильиничны, являлся самым неприятным и егозливым юношей в школе. Она неоднократно хотела его исключить, но Воскобойников как-то ловко этого избегал, не доводя ситуацию до крайности...

– Андрей Максимович! – заверещали девчонки. – Мы только вас ждем!

– Да. Иду... Ты все понял, Воскобойников? Ладно, топай отсюда...

Солнце, холод. Запах сирени.

Она, Ника Одинцова, стоит в среднем ряду, почти в середине. Рядом, ровно в серединке, ангелоподобная, сливочно-карамельная Лилька шуруется, морщит носик, на светлых ресницах дрожит слезинка.

– Ну скорее уже фотографируйте! – недовольно пищит Лиля. – Невозможно против солнца стоять...

За малипуськой Лилей – Тарас. Если повернуть голову налево, то можно увидеть его.

Но Нике Одинцовой смертельно хочется повернуть голову направо. Дрожит сердце, какое-то безумное возбуждение, радостно-тревожное беспокойство, тоска... Откуда тоска, зачем? Все хорошо же... Еще целый июнь впереди, экзамены, она будет видеть *его* во время экзаменов!

Клим Иноземцев – высокий. Он стоит справа, в последнем ряду. Странное имя, странный юноша. Они ни разу не разговаривали, ну, кроме, разумеется, «да, нет, передай тетрадь».

Клим – корь, ветрянка, коклюш. Детская болезнь, которой надо переболеть и забыть о ней раз и навсегда.

Вероника медленно, осторожно поворачивает голову направо. «Ты здесь...»

– Внимание, все смотрим на меня! – пронзительным козлиным голосом кричит приглашенный фотограф. – Сейчас вылетит птичка. Та-ак... – Громкий щелчок. – Отлично.

– Не расходимся, идем в класс, там будем фотографироваться по одному, для альбома! – командует Андрей Максимович.

Мухин басом начинает петь какую-то старую песню о последнем звонке. Кеша Сvirкин ему подпевает...

Веронику терзает ужас. А что, если фотограф прямо так и запечатлел, как она пялится на Иноземцева?! Вот позор...

Все расходятся. Школьный двор – пустой, залитый солнцем, с вытоптанном до пыли газоном...

Клим и она. Посреди двора. (Этого наяву никогда не было – отметила в своем сне Вероника.)

Он подходит. Его лица не видно – мешает солнце.

Клим протягивает ей руки. Она шагает ему навстречу, тоже распахнув объятия, и...

(Здесь надо заметить, что Клим Иноземцев не так уж редко снился Веронике. Раз в год, раз в два года... Но никогда сны с его участием не были эротичным шоу. Только ощущение счастья. То тревожное, радостно-счастливое беспокойство, которое почему-то связано с детством, юностью, но никак не со взрослой жизнью.)

Итак, они протягивают друг другу руки, и...

Но тут Вероника проснулась.

Она обнаружила, что сидит на кровати, вытянув вперед руки. Сумасшедше колотилось сердце, дыхания не хватало.

Досада охватила Веронику: ведь еще через мгновение она бы обняла Климa – и ощущение счастья стало бы окончательным, законченным, полным. «Господи, что это было?..»

Она машинально провела ладонью по лицу и обнаружила, что оно залито слезами.

– Ты чего не спишь? – сонно заворчал рядом Тарас из-под одеяла. – Который час?

– Шесть... – прошептала Вероника.

– Мне через полчаса только вставать... Спи давай.

Вероника послушно опустила на подушки. Сквозь неплотно сдвинутые шторы едва-едва пробивался голубоватый утренний свет. Вероника отчетливо понимала, кто она и где, но еще не могла поверить в то, что Клим Иноземцев ей приснился.

Сон был абсолютно реален.

Лишь через несколько минут Вероника смогла смириться с тем, что ей так и не удалось обнять Климa. Еще же минут через пять поняла, что Клим Иноземцев задаром ей не нужен.

Тот Клим из ее сна – фантом. Ночной морок. Голем. Призрак. Игра воображения. Реальный Клим не имел к нему никакого отношения (как и не имело значения то, что Вероника двадцать лет его не видела). Наверняка Клим Иноземцев сейчас – скучный лысоватый дядька

в офисном костюме (это в лучшем случае). В худшем он – спившийся алкоголик с мешками под глазами и дрожащими, пропахшими никотином пальцами рук.

«А если не то и не другое? Если он – красивый, молодой (тридцать семь лет – золотые для мужчины годы!), очень успешный? Жена, дети... Он счастлив, ему никто не нужен. Или, похожий вариант, он – красивый, молодой, успешный, без жены и детей, но все равно ему никто не нужен? Бабник, плейбой. Хотя вряд ли – в школе Клим был довольно замкнут, с девочками не общался – с какой стати он вдруг превратился бы в бабника? Вот Сенька Мухин – да, он бы мог... Хотя... В жизни все может быть!»

И перед глазами Вероники пронеслась целая дюжина Климов Иноземцевых в самых различных ипостасях.

Зазвенел будильник.

Веронике надо было вставать позже, и она сделала вид, что еще спит. Тарас быстро собрался, оделся, на прощание прикоснулся прохладными губами к Вероникиной щеке.

– Ну все, я пошел... До вечера, дарлинг.

Вероника едва сдержалась, чтобы не открыть глаза. Ей все еще хотелось оставаться в своих фантазиях, на грани сна и реальности. В глубине души она еще тешила себя мыслью, что опять заснет сейчас и Клим снова появится перед ней, они обнимутся, и она успокоится наконец, пресытившись ощущением счастья.

Но даже сейчас Вероника не могла назвать Клима Иноземцева своей первой любовью. Ее первой и единственной любовью был Тарас, другой ее одноклассник. Сразу после школы у них начался бурный роман, закончившийся свадьбой.

Вероника ничуть не солгала вчера в разговоре с Машей и Нонной Игнатьевой, назвав Тараса своей первой любовью.

А то, что она чувствовала к Климу в далекие школьные годы, – так, легкая влюбленность. «Легкая! – ехидно возразил внутренний голос. – Легкую влюбленность двадцать лет не помнят!» – «Нет, легкая, – упрямо возразила самой себе Вероника. – Мы с Климом и двух слов друг другу не сказали, не говоря уж там о всяких поцелуях и свиданиях! Просто у меня было такое скучное, обыкновенное детство, что и вспомнить-то больше не о чем! Вот и привязался этот Клим...»

Вероника зашевелилась, повернулась на бок. Простыня под ней была влажной. «Что это?» – провела она рукой.

Она выпростала руку из-под одеяла. Кровь...

В первый момент Вероника пришла в ужас, потом вспомнила, что это. «Фу... Нет, ну надо же!» – с досадой подумала она. Моментально вскочила, сорвала с кровати постельное белье, запихнула его в стиральную машину... Ничего необычного – не так уж редко с женщинами происходят подобные конфузы. Врут рекламщики, обещая абсолютную надежность всяких там гигиенических средств!

Но тем не менее она чувствовала отвращение к себе.

Как дурочка, думает обо всякой ерунде...

Перед глазами все еще была собственная рука с багрово-красным потоком. Солнце уже пробилось сквозь шторы, золотой луч скользнул по ладони. Золото и кровь. Клим и кровь. Кровь и слезы. Кровь и Клим Иноземцев. Слезы и кровь – вот что такое Клим Иноземцев.

– Как же ты мне надоел! – вслух с ненавистью произнесла Вероника, обращаясь к далекому призраку школьных времен. – Вот привязался...

Ей вдруг до смерти захотелось найти ту самую фотографию с последнего звонка. Веронике надо было посмотреть на фото реального Клима Иноземцева – для того чтобы убедить себя, что ничего в этом Климе нет. Нет причин помнить его...

Здесь надо заметить, Вероника с Тарасом уже три раза переезжали с места на место, улучшая свои жилищные условия. Часть вещей была не распакована с первого переезда. Все это должно лежать где-то в шкафу... Там, скорее всего, и хранились старые фото.

У Вероники еще было время до работы. И вообще, сегодня можно было и опоздать – никаких запланированных мероприятий, доклад был сделан еще вчера...

Она достала стремянку и поставила ее в коридоре возле огромного, во всю стену, шкафа с раздвижными дверцами. Действительно, на верхних полках купейного монстра аккуратно теснились какие-то коробки. Вероника стала заглядывать во все подряд. Обнаружила кучу всякой ненужной ерунды – какие-то квитанции столетней давности, дурацкую посуду, вещи мамы... Их, кстати, надо отдать маме при okazji – вдруг там есть что нужное?

Наконец Вероника наткнулась на стопку фотографий в бумажном пакете.

Слезла вниз и принялась прямо на полу разбирать пакет.

Ее детство, детство Тараса. Какие-то усаые родственники. Виды Венеции. И...

Вероника выдернула из стопки черно-белое фото с группой учащихся. Андрей Максимович, его знаменитые усы... Нина Ильинична, ее знаменитые очки и ее знаменитая макияжеская усмешка...

Она, Ника. «Слава богу, хоть голову успела отвернуть!» На фото юная и невероятно серьезная Вероника Одинцова смотрела куда-то вверх, будто и вправду надеялась увидеть «птичку». Вот Лилька. Вот Тарас – милый, милый... Тарас, будущий муж, косился поверх Лилькиной белобрысой макушки на Веронику. Тарас позже признался, что был влюблен в Веронику с шестого класса.

И в самый последний момент Вероника нашла на фото Климa Иноземцева. Его лицо едва угадывалось – края снимка потускнели, а Клим стоял как раз с самого края. Были четко видны только его зрачки. Он тоже смотрел прямо перед собой – на Веронику. На Веронику сегодняшнюю, из будущего.

– Идиотка... Дура! – с бессильной яростью произнесла Ника и едва удержалась от того, чтобы не порвать фотографию.

Она ругала себя. В медицинском институте она, еще до того, как выбрать свою специализацию, какое-то время посвятила психологии и психиатрии – так, в общих чертах. Ознакомительно. Да и сейчас, сотрудничая с Родионовым (тот – психотерапевт, плотно работавший с больными анорексией), кое-чего нахваталась.

И по всему выходило, что Клим Иноземцев был ее «пунктиком». Манией. Навязчивой идеей. «Я его не люблю. И не любила никогда. И даже влюбленности никакой тоже у меня к нему не было! Просто я на нем почему-то заиклилась!» – решила Вероника.

И еще она решила бороться со своей навязчивой идеей, пока та окончательно не испортила ей жизнь. Это ж надо – при таком замечательном, верном и нежном муже, как Тарас, вспоминать какого-то Климa двадцатилетней свежести!

А для того чтобы забыть Климa, надо было... Господи, тут и думать нечего! Всего лишь раз надо было взглянуть на Климa сегодняшнего – и расстаться с иллюзиями навсегда.

Вероника даже не боялась того, что Клим сегодняшний мог оказаться успешным и привлекательным мужчиной. Холостым плейбоем, готовым закрутить с бывшей одноклассницей роман. Нет, не страшно! Просто Вероника должна была увидеть *реального* человека, не имеющего ничего общего с ее детскими воспоминаниями.

Избавиться от детских воспоминаний – вот чего она хотела. Перебить наконец навязчивый аромат сирени... да чем угодно, да хоть каким запахом! Пусть это будет запах перегара. Табака. Бензина. Амбре элитного парфюма... Не имеет значения.

Когда Вероника увидела перед собой цель, ей сразу стало легче. Оставалась только самая малость – встретиться с Климом.

Как его найти? Номер телефона в записных книжках...

«Но у меня и не было никогда его телефона! – озарило вдруг Веронику. – Хотя можно поговорить с бывшими одноклассниками... Да хоть с Лилькой Рыжовой! И почему я ее еще в тот раз не спросила, как там Иноземцев поживает?..»

Но тут Вероника вспомнила, что и телефона Лили у нее тоже нет. Детские записные книжки все давным-давно потеряны или выброшены (это вам не фотографии, которые принято хранить), Лилька тоже сто раз переезжала после школы с места на место, а нынешний ее номер Вероника так и не удосужилась записать.

«Может, найти Клима через Мосгорсправку?» Вероника знала, что такая служба существует до сих пор. Правда, что-то с этой Мосгорсправкой не то... А, да – она теперь выдает адреса только после письменного согласия разыскиваемого лица. То есть она, Вероника, посылает запрос, запрос добирается до Клима, Клим отвечает отказом или согласием, и если согласием, то только тогда Веронике сообщают его координаты.

Бред.

Вероника запихнула коробки обратно в шкаф, оделась и побежала на работу.

В лифте кто-то из сотрудников болтал о сайте «Одноклассники. ру» – видимо, тема эта была сейчас у всех на устах.

Чтобы зайти на этот сайт, надо было зарегистрироваться. А Вероника клятвенно обещала Тарасу, что на этот сайт – ни ногой.

На какое-то время Вероника забыла о Климе, пока работала. В этот день она начала новую серию лабораторных испытаний, изменив состав витазона.

«Бороться с истощением организма возможно с помощью сильных антиоксидантов. Давно известно, насколько важно обезвредить свободные радикалы. Но даже с помощью сильных антиоксидантов не удавалось существенное продление жизни теплокровных животных и человека. Проблема здесь вот в чем. Свободные радикалы образуются в процессе окисления питательных веществ кислородом. Процессы окисления происходят в митохондриях. Очевидно, что и большинство свободных радикалов образуется в митохондриях и антиоксиданты нужно доставлять именно туда. Но большинство антиоксидантов плохо проникают в митохондрии или не проникают туда вовсе...» – начала Вероника новый протокол опытов.

Внесла новые корректировки в состав витазона, распечатала свои записи и попросила Машу ввести этот состав контрольной группе подопытных мышей.

– Думаете, получится? – спросила Маша, немедленно приступая к работе.

– Не знаю... – рассеянно ответила Вероника.

Стоило ей едва отвлечься от работы, как снова начала думать о Климе!

Вероника села за компьютер. Подключилась к Интернету. Минуту медлила, а потом, находясь в каком-то нервном иступлении, набрала в строке поиска – «Одноклассники. ру». И стала регистрироваться – страна, город, номер школы, год окончания... Ввела свой электронный адрес, придумала пароль. Фамилию оставила девичью. Все делала с сумасшедшей скоростью. Точно с «американских горок» катилась...

Итак, она нарушила клятву, данную Тарасу, но утешала себя тем, что не будет сообщать о себе ничего лишнего, не будет размещать никаких фотографий и заводить ни с кем из бывших сотоварищей переписку. Только найти Клима и встретиться с ним. Аминь.

«Поздравляю, вы зарегистрированы на сайте «Одноклассники. ру» – мелькнуло сообщение. А потом перед Вероникой вдруг выскочило окно.

Фотографии. Довольно много – штук двадцать, с подписями. С ходу увидела Лилу Рыжову – в ее новом, медно-фиолетовом цвете. Глаза бежали по лицам, разыскивая единственное.

Женя Мешерская, Витя Ерохин, Алеша Грушин... Как изменились, не узнать... Женька – просто красавица! Ой, а это кто – Сенька Мухин?!

У многих одноклассниц в скобочках стояли новые фамилии. Парни оставались, естественно, при своих прежних. Но Клима Иноземцева в этом списке не было.

Вероника испытала приступ ни с чем не сравнимого разочарования. Прошептала: «Ско-тина Иноземцев...» Потом вдруг увидела, что есть вторая страничка. Лихорадочно щелкнув мышкой, перешла на нее, но на экране отразились сведения только о двух людях – некоем Абдурахмане ибн Хоттабе (фотография бородатого старикана из древнего советского фильма прилагалась) и Жорке Трухине. Трухин учился на два класса старше – наверное, оказался в их выпуске по недоразумению.

Но Клима Иноземцева не было и тут!

Некоторое время Вероника сидела, тупо уставившись на физиономию ехидного Хоттабыча. Что сие значит? Через плечо заглянула Маша, коротко всохотнула:

– И ты туда же...

– Да ну, бред какой-то! – с досадой воскликнула Вероника и отъехала на кресле от стола. – Зря я это сделала. Всего-то разок на наших хотелось взглянуть!

– Любопытство разобрало? Ты могла бы зайти на сайт через меня... – великодушно предложила Маша. – В смысле, через мою страничку. И вовсе не надо было регистрироваться! Или вот как этот умник, ибн Хоттаб... прикинулась какой-нибудь Анной Карениной!

– Господи, я же ничего в этих электронных премудростях не понимаю... – Вероника потеряла виски. – Я могу удалить себя оттуда? – Она тыкнула пальцем в экран.

– Попробуй... Хотя зачем? – пожала плечами Маша. – Просто не заходи на этот сайт, и все. Забудь. Ничего страшного.

Вероника снова придвинулась к столу, вышла из Интернета. Она ненавидела себя, Клима Иноземцева, старика Хоттабыча и чувствовала вину перед Тарасом. Дурочка!

Ближе к вечеру, перед уходом, она, кое-как вспомнив пароль, снова зашла на сайт, с одной мыслью – все-таки попытаться удалить свою страничку.

И неожиданно обнаружила, что на ее адрес от одноклассников пришла куча сообщений.

«Одинцова, привет!» – это от Грушина.

«Никуся, как дела?» – улыбалась с фотографии почетная и вечная красавица класса Женя Мешерская.

«Одинцова, покажи личико!» – Сеня Мухин требовал фотографию Вероники.

Бывшие одноклассники почему-то никого и ничего не боялись. Ни бандитов, ни кредиторов, ни всех тех, кем страдал Веронику Тарас... Они улыбались с экрана на фоне яхт, машин, загородных домов, египетских пирамид, Эйфелевых башен, но, помимо этого, на их страничках были и другие фотографии из их жизни – с родными и близкими, с подробными указаниями, где, кто и с кем...

В конце списка Вероника прочитала сообщение от Лили Рыжовой: «Ника-Вероника, наконец-то! Теперь ты тоже с нами, поздравляю. Ты в курсе? В субботу собираются все наши. Сейчас обзваниваю всех, очень рада, что нашла тебя через сайт – телефона своего ты мне так тогда и не оставила! Короче, кафе «Лукошко» напротив нашей школы, шесть вечера. Тыща с носа. Приходи, и обязательно возьми Тарасика!!!!!»

«Кафе «Лукошко», шесть вечера, – повторила про себя Вероника. – Обзваниваю всех...» Это значит, что Лили ищет одноклассников не только через Интернет, но у нее наверняка есть и телефоны тех, кто на сайте не регистрировался.

Это значило, что на вечере мог оказаться и Клим Иноземцев...

Пока Вероника думала, ей пришло еще одно сообщение – от Вити Ерохина:

«Ника привет как дела безумна рад ты не в курсе как там Алька Головкина ни как нимогу найдти ее спрашвал всех ни кто ни знает».

Аля Головкина была одной из одноклассниц Вероники – ее имя, кстати, тоже отсутствовало на сайте. Судя по всему, Витя Ерохин был собратом Вероники по несчастью. Она искала Клим, он – Алю.

Вероника вспомнила, что они с Алькой Головкиной сидели в первых классах вместе. Хорошая девчонка...

«Витя, привет! Я тебе тоже очень рада. Про Алю ничего не знаю. Ты в курсе, что наши собираются встречаться в эту субботу? Шесть вечера, кафе «Лукошко», напротив школы. Приходи!» – написала Вероника письмо Ерохину. Единственному из всех. Она не могла ему не сочувствовать.

Немедленно пришел ответ:

«Про вечер знаю приду где Аля может быть сохранились старые телефоны ни кто нечего не знает что делать сам ни знаю».

«Наш Витька не филолог, это точно!» – улыбнулась Вероника, читая его сообщения.

На фото Витя Ерохин выглядел вполне импозантно – светлые волосы, светло-серые глаза, светло-серый костюм. На фоне иномарки. Аля, помнится, была черненькой, глазастой. Что ж, противоположности притягивают друг друга...

– Ника, домой пора! – подскочила Маша, увидела знакомую заставку «Однокашников». – Ой, ты опять на этом сайте... А говорила, жалеешь, что зарегистрировалась! Все, пиши пропало – теперь оттуда не вылезешь!

– Нет, что ты – я только одно сообщение отправила, и все. Больше туда не полезу, – смутилась Вероника.

– Ну да, ну да... Все так говорят! – иронично хмыкнула Маша. – Только ты поосторожней, Ника, – начальство такие вещи не любит. Не дай бог Кутельянц нагрянет... Если увидит, что ты в «Однокашниках» сидишь, – голову оторвет!

* * *

Мать в молодости была красавицей – это Виктор всегда помнил. Даже когда алкоголь окончательно разрушил ее здоровье, она продолжала оставаться статной, стройной... Со спины если взглянуть – девушка! Одетая всегда неплохо – что ж вы хотите, руки-то золотые. Мастерство не пропьешь! Если уж рукодельница – то на всю жизнь. Она всегда что-то кроила, шила, вязала, плела – ну, конечно, когда была в более-менее нормальном состоянии...

Маленький Витя шел за ней и воображал, что она, мама, абсолютно нормальная женщина. Иначе и быть не могло. Сегодня ж она сама забрала его из садика!

– Мам! – с надеждой кричал он ей в спину. Вот сейчас она повернется, и он наконец увидит ее прекрасное, нежное лицо. Ее *настоящее* лицо.

– Ма-ам!...

– Витюш, чего?

Мать оборачивалась, и всякие иллюзии исчезали. Все та же маска! Пьянчужка. Милая, ласковая, хорошая. Очень гордая. И – пропащая... С тем, что мать – пропащая, Виктор Ерохин так и не сумел смириться.

Она начала пить, когда Виктор был совсем маленьким. Он помнил ее бледное, склоненное над кроватью лицо, сомкнутые веки. Она стояла над ним, пьяная, скрестив руки на груди, и молчала. О чем она думала?

За шкафом, на другой половине комнаты, шумела компания. Чужие голоса стучали прямо по мозгам:

– Ленка! Ленк, ну ты где пропала, блин?!

Она разворачивалась и выходила из закутка, где жил ее сын.

Отчима у Виктора не было. Приходили разные мужчины. И плохие, и хорошие – как дядя Ваня, например. Но дядя Ваня тоже пил, его потом родственники отправили на лечение, и он пропал навсегда.

Все, что происходило ночью за шкафом, разделяющим комнату на две половины, Витя прекрасно слышал. Прекрасно понимал, что там происходит, но это ничуть его не шокировало. Это нормально, так ведут себя все женщины и мужчины. Что может быть стыдного в том, что нормально?

Мать ничего не могла изменить в своей жизни, но наутро, проведив своего очередного кавалера, слегка протрезвев, спокойно говорила Вите:

– А чего такого? Если б мы с папкой твоим жили – думаешь, по-другому как-то было? Да то же самое!

Мать всегда все объясняла – она, как могла, пыталась примирить Витю с существующим положением вещей.

И в этом были свои плюсы – позже уже ничего не могло шокировать его. Он был готов ко всему.

Однажды мать заболела чем-то нехорошим, заразившись от очередного кавалера. Витя ездил с ней по вендиспансерам. А что такого? Во время этих поездок Виктор узнал, как надо себя вести и что делать, чтобы не заразиться, – мать рассказала. Ну а если уж заболел, надо обязательно лечиться... Доктора сейчас хорошие, вылечат.

Денег не было, но мать умудрялась шить сыну вещи. Вязала на зиму шапки, носки, варежки. Свитеров – не счесть. В доме всегда была кастрюля с кашей или отварной картошкой – разогрел да поел. Витя никогда не ходил холодным и голодным.

Мать старалась, насколько могла. И, только глядя на то, как живут другие дети, Витя смутно догадывался, что они с матерью живут как-то не так...

Позже, уже подростком, Виктор пытался понять, с чего все началось. Да вроде ничего такого особо трагического не было, с чего бы матери впадать в алкоголизм...

Ну разве только то, что мать так и не поступила в институт. Вернее, поступила с лету в Бауманский (!!!), а ее двоюродная сестра Люська – нет, срезалась на физике. И мать без всякого сожаления сказала – ну, раз Люська не поступила, то и я там учиться не буду, одной мне там делать нечего. Сгруппировала мать, короче. Потом работала в швейной мастерской вместе с этой самой Люськой.

Шанс выучиться давался ей один раз – больше она никуда не смогла поступить. Но это ничего, женщина и без образования проживет...

Отец.

Он на матери не женился и бросил ту на четвертом месяце. Ерунда какая. Многих бросают!

Потом материны родители с ней сильно из-за этого поругались – типа, принесла в подоле... Но многие с предками цапаются, в этом тоже ничего особенного не было!

В конце концов Виктор решил, что мать стала спиваться не из-за чего-то конкретного, а оттого, что жизнь ее не удалась по всем пунктам. И в личном, и в общественном плане.

Дадено матери было много, а ничем воспользоваться она не могла.

Родня – тетки-дядьки, двоюродные братья-сестры, коих у матери было много, – отвернулись. У них и в голове не было помочь, спасти, протянуть руку. Они важные были, богатые по тем временам.

Когда Виктор вырос, они общались только с ним, словно не замечая матери. Звонили – ему, продукты передавали – ему, с праздниками поздравляли – его, в гости звали – только его... Он был еще не безнадежный, по их понятиям. Мог стать человеком! Виктор их философию знал. И если б он тоже пошел по кривой дорожке, как мать, то они немедленно отвернулись бы и от него.

Мать такое положение дел жутко обижало. Она же гордой была! Но рассориться с родней не могла, поскольку родня тогда перестала бы помогать Вите. Единственному сыну.

Когда Виктору было лет тринадцать, у матери стало сдавать здоровье – печень и все такое... Теперь он стал заботиться о ней – бегал в продуктовый за картошкой, варил кашу. Искать мать по всем значным местам, когда та надолго пропадала, тащил домой. Он все теперь делал сам.

Он влюбился в Алё Головкину.

Она была из приличной, непьющей, крепкой семьи. Ее отец работал на заводе, был уважаемым человеком, хорошо зарабатывал (тогда рабочим платили много). Мать – строгая, умная женщина, врач.

Виктор любил Алё – такую чистую, хорошенькую, спокойную, тоже немного строгую... Строгую, но и беззащитную одновременно! Она – ангел. Алё – ангел. Воплощение чистоты и света. А глазки у нее...

В восьмом классе Виктор уехал в зимний лагерь. Все каникулы он проводил в лагерях, привык.

А когда приехал, узнал – мать умерла. Вернее, ее убил новый сожитель – ударил кулаком в живот, а печень-то слабая... (Убивать не собирался.) Сожителя посадили – но толку-то, мать все равно не вернешь!

Весну Виктор провел словно в тумане, не зная, плакать ему или что... Родня взяла его к себе. Кое-как сдал экзамены (Нина Ильинична, директриса, вошла в положение, двоек в аттестате не было), поступил в ПТУ. Жил у тетки в Кунцеве.

Алё после школы он видел всего один раз, спустя два года, в июне. В его бывшей школе как раз шли выпускные экзамены у десятого класса. Его бывшего восьмого «А». Единственный раз выбрался в центр, и вот она, Алё, собственной персоной. Мог бы подойти, заговорить – как дела, сложные ли экзамены, какие планы на будущее и все такое.

О, что за пробка такая заткнула мозги, что за глупый страх помешал...

Осенью оказался в армии. Отслужил. Потом работал. О том, что можно было найти Алё, даже не думал. Не было таких мыслей в голове, представляете?! Да, да, да – не мог забыть, вспоминал... Но о том, что Алё можно было найти, завязать какие-то отношения, не думал.

Она была ангелом. Мечтой. А разве можно завести роман с ангелом?

Он не урод, не дурак, не пьяница. Ни капли в рот. Конечно, не академик, но на заводе уважали. Самолеты своими руками строил, потом начальником сборочного участка стал, процессом руководил! А потом и вовсе до космической отрасли дошел...

Бабник. Что есть, то есть – он честно всех женщин предупреждал. Их много было... Но ни одной не предложил руку и сердце. Им только попадись, хищницам!

Все женщины в мире, кроме Али, были хищницами. Аксиома.

Вот таким макаром много времени прошло. Много изменилось. Купил компьютер. К Интернету подключился. Услышал про сайт этот – «Одноклассники.ру». Вспомнил опять Алё – а вдруг и она там? Зарегистрировался. Алки не оказалось. Это раззадорило Виктора. Он стал бомбить всех бывших одноклассников письмами – видели ли, слышали ли? Никто не видел и не слышал.

В последних классах Алё дружила с Женей Мещерской. Но Женя сразу после школы уехала в Англию, да так и осталась там. Она – единственная, кто должен знать об Але больше всех. Но до Англии разве доберешься? И вдруг Женя появилась на сайте, неожиданно-негаданно – залетная гостья... Виктор написал ей – вспомни хоть что-то...

Нет, ничего не помню, ничем не могу помочь – ответила Женя в письме. Хотя я сейчас в Москве, но до того много лет в Англии жила, в другой стране... Все, что было, потерялось. Ни адресов, ни телефонов не осталось – ничего. А что потерялось, то и забылось. Жаль. Прости.

А Виктор уже к этому времени окончательно свихнулся на Але. Спустя двадцать лет до него дошло – они же могли быть вместе! Ну хотя бы романчик недолгий закрутить... Все легче бы. Что же мешало? А ничего. Только собственная глупость и дикость.

Виктор все чаще и чаще вспоминал тот день, когда он в последний раз видел Алю.

Начало лета, июнь. Он выбрался из Кунцева в центр (они с матерью в центре раньше жили, недалеко от Переведеновского кладбища). Какое-то предчувствие было, еще когда в метро трясса... Тетради надо было Кеше Свиркину отвезти или книжки... Уже не вспомнить, что именно.

Он проходил мимо школы и увидел Алю. Вот оно, предчувствие, – сбылось! Два года не видел, только выбрался в свой старый район, и вот оно, чудо! Аля. Она стояла к нему спиной, но он сразу узнал ее.

Она обернулась резко, словно почувствовав его взгляд. Она, она! Ангел с огромными темными глазами.

Стала взрослей. Стройней. Еще строже и беззащитней. Нежнее. Красивее в миллион раз...

Виктор чуть в обморок не упал, когда ее увидел.

Она узнала его. Смотрела прямо в упор. Он тоже, пока шел, не отрывал от нее глаз.

А потом свернул в переулок.

А почему не подошел, не заговорил?

Неизвестно.

...Кеши Свиркина тогда дома не было. Мать его сказала – гуляет где-то, с Тарасом и Климом Иноземцевым... И Воскобойников вроде тоже с ними. На кладбище, поди, опять.

Переведеновское кладбище – старинное, возникло еще в петровские времена. Немцев раньше хоронили – ну да, тут ведь немцы при Петре жили...

Там мальчишки любили играть. Потом, переживя период «казаков-разбойников», просто на лавочке сидели – возле склепа, где сто лет назад нашел свое упокоение некий Черный Канцлер. Трепались. Легенды про этого Канцлера друг другу рассказывали...

Виктор отдал тетради (или книги?) Кешкиной матери и поехал назад, в Кунцево.

Честно говоря, ему было наплевать на Кешу, на Тараса, на Иноземцева, на шпанистого Вовку и уж тем более – на Черного Канцлера...

Он думал только об Але.

И о том, почему свернул в переулок...

* * *

За двадцать лет совместной жизни Вероника уже успела изучить характер своего мужа, она знала, чего можно ожидать от Тараса, а чего нет. Предугадывала его желания и настроения, могла примерно предположить, что муж думает по тому или иному поводу...

Она уже заранее знала, что Тарас откажется от вечеринки с бывшими одноклассниками. И не потому, что он такой сухарь бесчувственный, а просто не видит в этой встрече никакого смысла. Сказано же – нельзя дважды войти в одну реку...

Но душа человеческая – потемки. Хоть двадцать лет проживи рядом с человеком, хоть сто – все равно до конца не узнаешь. Надо все-таки спросить Тараса – осторожно так, невзначай...

– Тарас! У нас все на работе словно с ума посходили... – вечером того же дня, когда она влилась в ряды «Однокашников», сказала Вероника, заглянув в кабинет к мужу. У Тараса был в квартире свой кабинет, равно как и у Вероники.

– По поводу? – оторвался от стопки с документами Тарас.

– По поводу этого сайта...

– «Однокашники»? – моментально догадался тот. – Ты, надеюсь, не заходила на него?

– Нет-нет, что ты... – замахала руками Вероника. – Просто все встречаются и все такое...

Мне вот интересно: ты пошел бы?

– На встречу бывших выпускников? Нет. Спасибо, уже лицезрел один раз Лильку Рыжову. Ее одной хватило! – скривился Тарас.

– Я бы тоже никуда не пошла. Мне кажется, людям просто нужен лишний повод удрать из дома, чтобы напиться!

Тарас засмеялся, тем самым соглашаясь со своей женой.

– Я своих дам буквально гоняю из Интернета... – Вероника лгала и удивлялась себе – как ловко это у нее получается. – Я почему спрашиваю все время про «Однокашников» – ты со своими сотрудниками борешься, когда они в рабочее время по этому сайту бродят?

– Еще бы.

– Увольняешь?

– Нет, есть более эффективное средство... Штрафы беру.

– Правда?

– А то! – с усмешкой хмыкнул Тарас.

– Нет, ну ты молодец...

– Ты тоже что-нибудь этакое придумай. У вас, конечно, госучреждение, штрафы запрещены... Но всегда что-нибудь можно придумать!

Вероника улыбнулась. Она уже поняла – Тараса вечер встреч не прельщает. Лучше даже не заговаривать об этом...

Но Вероника хотела пойти на вечер. Ей *надо* было увидеть Клима!

Муж у Вероники был нормальным, вполне адекватным мужчиной. Без повода не ревновал, лишних требований не предъявлял. Вероника могла рассказать ему все. Даже о снах с участием Клима Иноземцева он бы послушал и вряд ли бы стал ревновать. Он воспринял бы это так же, как Вероника, – наваждение, и не больше. Реального-то соперника все равно нет! Немного крыша поехала у женушки... С женщинами это часто бывает.

Но именно поэтому Вероника и не хотела ничего рассказывать Тарасу. У мужа и без нее проблем хватает... Она со всем разберется сама. Одна.

– Я тебя люблю.

– И я тебя. Слушай, Ника... Может, тебе бросить твою работу? Сидела бы дома...

– Шутишь! Я с ума сойду. И потом, мои исследования...

– Ай, Ника, перестань! – поморщился Тарас. – «Мои исследования»... Не надоело хвосты лабораторным мышам крутить? И потом, было бы что-то серьезное... А то одни белки, жиры и углеводы. Они уже давным-давно изучены. Диеты и котлеты. Ожирение и анорексия. Тьфу... Да пустьдохнут эти дуры – хоть толстые, хоть тощие! Ты, медик, биолог, сама знаешь – природа выбраковывает ненужные экземпляры!

– Жестокий ты... – буркнула Вероника.

– Я жестокий к дуракам. А к тебе, к нормальным людям – добрый. У меня вот новая мысль. Иди к нам на завод, в лабораторию. Это – настоящее дело! Хороших специалистов днем с огнем не сыщешь...

Вероника на миг онемела. Тарас предложил ей тестировать колбасу. Исследовать состав сосисок... Придумывать новые наполнители для фарша!

– Нет, Тарасик, каждому свое, – не сразу ответила она.

– Ну как знаешь... – Тарас снова уткнулся в свои бумаги.

На следующий день Вероника обнаружила у себя в электронной почте новое письмо от Лили Рыжовой:

«Ника, ты не ответила – придешь или нет на вечер?»

«Приду», – ответила Вероника.

«А Тарасик?»

«Лиль, если честно, он очень негативно ко всему этому относится».

«Тарас не придет? Жалко... Единственный нормальный парень из всех наших. Надеюсь, ты не ревнуешь?»

«Бог с тобой – нет, конечно!»

О Климе Иноземцеве Вероника не стала спрашивать. Все разъяснится там, на вечере. И вообще, Лильке не надо давать лишние козыри против нее, Вероники. Ведь, судя по всему, вчерашняя зефирка-мармеладка до сих пор вздыхала по Тарасу!

Что было дальше...

Вероника солгала Тарасу, что в субботу в клинике будет заседание, после него – неизбежный, словно смерть, банкет. Тарас не удивился – подобные мероприятия случались в Вероникиной жизни довольно часто. Да и сам Тарас нередко дневал и ночевал на своем заводе.

– К ночи-то придешь? – весело поинтересовался он.

– Тарас! – укоризненно воскликнула Вероника, подчеркивая, что шутить не настроена.

– Ладно, ладно... Я Игоря с машиной пришлю – встретит тебя.

– Не надо, пешком дойду. Постараюсь удрать с банкета пораньше.

– Ну как знаешь... Только обязательно звони на мобильный.

...Кафе «Лукошко» было новым, недавно построенным. Интерьер – что-то в экологическом духе, из дерева и искусственных лиан. То ли русская изба, то ли тропические джунгли – не разобрать...

У гардеробной Вероника наткнулась на Лилю Рыжову.

– Ника, привет! – нервно воскликнула Лиля. – Хоть ты пришла...

– А что, никого нет? – встревожилась Вероника.

– Леха Грушин и Ерохин. Ты да я. Вот и считай! Слушай, я этого Ерохина еле вспомнила – он же у нас до восьмого класса учился, потом ушел...

– А остальные?

– Не знаю... Сейчас ровно шесть. Я надеюсь, опаздывают. И вообще, уже жалею, что взяла на себя ответственность устроить все – искать ресторан, договариваться, деньги собирать... Никому ничего не надо, никто ничего не хочет... – кусая красно-фиолетовые губы, зло пожаловалась Лиля.

– Сейчас придут. Пробки и все такое... – попыталась успокоить бывшую одноклассницу Вероника. – Ты кого обзвонила?

– Кого могла. Господи, больно надо мне это... – Лиля подошла к большому зеркалу, оглядела себя со всех сторон, похлопав неестественно длинными, лаково-черными ресницами (даже как будто негромкий стук раздался). «Ресницы-то – накладные!» – неожиданно озарило Веронику.

По сравнению с прошлой встречей Лиля выглядела еще ярче. Темные, жгучие цвета – волос, макияжа, одежды... Как ни странно, но они действительно делали Лилю старше. Раньше, в зефирно-сливочных, пастельно-розовых оттенках, она смотрелась лучше. Такая трогательная, нежная, белобрысая нимфетка была...

– Зачем ты перекрасилась? – вырвалось у Вероники. – Так непривычно...

– Ты ничего не понимаешь! – захохотала Лиля. – Ника, я же в юности выглядела очень пошло... Смешно! И даже неприлично – блондинка в розовом. Мать мне всегда розовые платья покупала. Ненавижу розовый цвет!

Звякнул колокольчик, и в холл ввалилась компания – женщины, мужчины...

– Лилька!!!

– Ребята! – завизжала Лиля.

– А это у нас кто?

- Лицо знакомое... Вероника! Братцы, да это ж Ника Одинцова!...
- Рита, Света! Альберт!

Клима среди пришедших не было. Все шумели, говорили наперебой, то и дело принимались хохотать. Вероника тоже смеялась, пожимала чьи-то руки, но в голове стучала одна-единственная мысль: «Где Клим, где Клим, где Клим?..»

- ...она не Одинцова, она Николаева теперь! Миссис Тарас Николаев! Догадываетесь?
- «Черт, надо было Лильку предупредить, чтобы она ни словечка о Тарасе... Поздно!»

– Ника, ты за Тараса вышла?!

– Ой, ну ни за что бы не подумала!

– А где Тарас? Ника, куда ты его спрятала?

– Ника, он тут? Уже в зале сидит, да?

– Тарас в командировке... Очень рвался сюда, но дела... – врала напропалую Вероника.

– Тарас – крупный бизнесмен теперь, – опять встряла Лилия. – У него свое предприятие...

– Тарас – молодчина... Я знал, что он далеко пойдет!

– Но он не один у нас самый крутой... Вы в курсе?

– Что, что? О чем ты, Альберт?

– Не о чем, а о ком... Сенька Мухин – миллионер. Вернее – миллиардер. Я не шучу.

– Сенька? Миллиардер?! О-бал-деть... Он придет?

– Ой, неизвестно... Но он в курсе, что сегодня встреча. Я ему письмо через «Одноклассников» отправила...

– Ника, а почему Тарас на сайте не зарегистрировался? Надо, чтобы весь класс как один... – жужжали и гудели вокруг Вероники голоса одноклассников.

Опять звякнул колокольчик – на пороге стояла молодая, очень красивая женщина. Золотисто-каштановые волосы, стройная фигура, одежда довольно скромная, лишь длинные темно-красные серьги (рубин? гранат?) почти до плеч притягивали к себе внимание... Одноклассники замерли – на секунду воцарилась тишина. Потому вдруг опять все взорвалось:

– Женька! Это Женя Мещерская! Женька, лягушка-путешественница!

– Царевна-лягушка...

– Из Англии, да? Надолго? Ой, Жень, ты совсем не изменилась...

Далее явились еще несколько бывших учеников. В холле стало совсем тесно, все переместились в зал. За большим столом сидели Грушин с Ерохиным – по этому поводу тут же возник новый всплеск эмоций...

Клима не было. Но вечер только начинался...

– Что заказывать будем?

– Ой, Лилька, ты такая молодец...

– Супер! И прямо напротив школы...

– А помните, помните – тут раньше кафе «Ромашка» было?

Очередная буря эмоций. В меню чего только не оказалось, но все, в едином порыве, заказали себе японских блюд, в основном суши, роллов и прочих сашими...

Появилась особа в мини, на шпильках, со странным лицом, крайне неопределенного возраста. Не сразу в ней узнали Иру Гвоздеву. Ира Гвоздева была нынче владелицей косметического салона. Ее внешность подверглась тщательному усовершенствованию и исправлению – и отнюдь не косметическому. «Блефаропластика, круговая подтяжка лица... Нос, губы, скулы – тоже, скорее всего, переделывали...» – Вероника не была специалистом в пластической хирургии, но, как врач, читала по лицу Гвоздевой, словно по медицинской карте.

– Какой кошмар... – прошептала Женя Мещерская на ухо Веронике.

Гвоздева выглядела прекрасно. И одновременно ужасно... Впрочем, к ее тюнингованной внешности моментально привыкли и стали атаковать вопросами про ботокс и мезотерапию, а

также цены на косметологические услуги в ее салоне – бывшие одноклассницы тоже, оказываются, мечтали усовершенствовать свою внешность.

– Серьги у тебя потрясающие... – сказала Вероника Жене.

– Да? Муж подарил... В прошлом году ездил по городам России, случайно нашел умельца. Авторская работа. И недорого, кстати!

– Ты замужем?

– Да, семнадцать лет уже... Муж старше. Очень хороший человек.

– Русский? – поинтересовалась Вероника. – В смысле, не иностранец?

– Да, не иностранец, – кивнула Женья. – Только из России давно уехал, еще ребенком. Мы в Англии с ним познакомились. Потом в Бельгии жили, в Голландии... Потом снова в Англию переехали. Последние два года – в Москве. Мужа сюда перевели. Он работает в представительстве одного автомобильного концерна... Где только не были с ним, где только не жили! А родители мои в Германии живут.

– Ты работаешь? – с интересом спросила Вероника.

– Я домохозяйка, – улыбнулась Женья. – И не училась нигде... Мой дом – вот моя работа.

Вероника хотела спросить о Сене Мухине – у Жени с ним в последних классах был бурный роман, проходивший на виду у всей школы. Но не спросила – как-то вдруг неудобно стало...

– Где Аля, кстати? – вместо этого поинтересовалась Вероника и невольно покосилась на Витю Ерохина, сидевшего на противоположном конце стола.

– Ой, многие спрашивают... Не знаю, если честно, – пожала плечами Мещерская.

– Вы о чем? – крикнул Алеша Грушин – он расположился напротив. Веселый, улыбчивый, как и двадцать лет назад. Душа компании. Клоун. Беспечный, беспутный и азартный. Краем уха Вероника уже успела услышать – Леха нигде не работал, дни и ночи напролет просиживал в казино. Иногда Лехе везло... Жена бросила его, ушла вместе с маленькой дочкой, не в силах жить рядом с игроманом.

– Ника об Але спрашивала... – ответила Женья. – Но я правда ничего не знаю!

– Многие не пришли, – кивнул Грушин. – Где Сvirкин, а? – Грушин поднялся с рюмкой водки в руке, громко спросил: – Ребята, где Кеша Сvirкин?

– Не знаем! – отозвалось сразу несколько голосов.

– Маринка Вайсброд десять лет назад умерла. Рак. Слышали? Могла бы жить... Она ведь от официальной медицины отказалась, травы всякие стала пить, и... а так бы спасли, может быть.

– Жалко Маринку!

– Об Але Головкиной ничего не известно, о Сvirкине...

– А помните, мальчик у нас еще учился... господи, имя у него еще такое...

«Клим Иноземцев», – хотела подсказать Вероника, но губы точно онемели. Она схватила свою рюмку, быстро опрокинула в себя ее содержимое, кое-как подцепила палочками ролл «Филадельфия»...

– Клим! Клим Иноземцев! – крикнул Альберт – почтенный, бородатый, в очках. Солидный. Совсем не похожий на прежнего Альберта – тощего, с цыплячьей шеей...

– Да, Клим, точно!

– Вы не в курсе? – встрепелась Рита Лымарь. – Клим пропал!

– В смысле? – спросил кто-то.

– Буквально! Вышел из дома и не вернулся! – сообщила Рита.

Вероника, похолодев, слушала все эти переговоры. От водки моментально ослабели ноги. Если бы ей в этот момент пришлось встать со стула, она упала бы, точно...

– Пропал без вести? – удивилась Женья.

– Да. Как в воду канул, – продолжила Рита серьезно. – И причем давно, очень давно. Сразу после выпускных. Мы с родителями в том же дворе жили, недавно только переехали... Поэтому я в курсе.

– Его искали? – У Вероники прорезался голос наконец.

– Еще бы! Мать его всех на ноги подняла, в милицию обратилась, в газеты объявления писала... Не нашли.

– Во, блин, дела... – осипшим голосом произнес Витя Ерохин. – Был человек – и нету.

Ерохин был единственным за столом, кто не пил. Перед ним стоял кувшин с томатным соком.

– Милиция считает, что его убили, – продолжила Рита. – Ну или какой-то несчастный случай... В любом случае его уже нет в живых.

– Был бы жив – за двадцать-то лет подал бы о себе весточку...

– Убили. Господи, да вы вспомните те времена – черт-те что творилось... Беспредел. Танки по Москве ездили, развелись всякие отморозки в красных пиджаках... Продукты – по карточкам! Тогда за батон хлеба убить могли...

– Ой, и не говорите...

«Его нет. Клим нет больше, – осознала наконец Вероника. – Он не придет сегодня. Его не надо ждать, больше нет смысла вспоминать о нем... Его нет!»

– Вероника, а ты где работаешь? – обернулась Рита.

– Что? – встрепенулась Вероника. – А... Я в Академии питания. Кандидат медицинских наук.

– Ника!.. – моментально оживились все бывшие одноклассники. – Ты – в Академии питания?! Где худеют?..

– Ну, в общем... Я в лаборатории метаболизма... Но при академии есть клиника... Туда могут обратиться все те, кто хочет похудеть...

На Веронику обрушился шквал вопросов – про Иру Гвоздеву с ее ботоксом даже забыли на время.

– Нет, а ты-то что там делаешь? – вклинился Грушин в девичий щебет – его похудание интересовало мало.

– Я? В данный момент... Короче, изобретаю пищевые добавки, лекарства, питательные смеси...

– Ника, ты изобретаешь лекарства? – оживилась и мужская половина.

– Как интересно!

– Расскажи!

– Как это делается?

Вероника пожала плечами. Всеобщее внимание приободрило, и смерть Клим волновала ее уже меньше.

– Все просто. Создается какое-либо вещество, и ученый исследует его свойства... Грубо говоря, есть от вещества толк или нет... – начала Вероника.

– Специально создается?

– Или методом скрининга – его еще называют методом научного тыка, или с помощью направленного синтеза.

– Скрининг еще используют? – удивился Грушин.

– А что? Сколько лекарств было открыто случайно... – Вероника была уже в своей стихии. – Та же закись азота, то есть «веселящий газ»! А антибиотики... В тысяча девятьсот двадцать восьмом году они были открыты совершенно случайно! Эрлих искал лекарство против сифилиса, синтезировал шестьсот пять веществ, и только шестьсот шестое оказалось подходящим! Но короче. Мало найти лекарство, его еще надо исследовать: а вдруг у него есть какие-то побочные эффекты? Опять же, надо рассчитать оптимальную дозу препарата... Вли-

яет ли лекарство на репродуктивную функцию, то есть на способность производить потомство, вызовет ли оно уродства плода, если такой препарат примет беременная... А вдруг оно вызывает мутацию? О, клинические исследования проходят очень долго – сначала на подопытных животных, потом его испытывают на людях-добровольцах... И только когда клинические испытания завершаются успешно, препарат получает разрешение на промышленное производство.

– Так ты не врач... Ты ученый! – озарило Грушина.

– Ну да... – немного растерялась Вероника. – Область моих исследований – это биохимия... Но она неразрывно связана с медициной, и без медицинского образования я не смогла бы работать в этой области... Я как раз сейчас работаю над веществом, которое условно называется «витазионом»...

– Короче, ты – химик! – крикнул Ерохин.

– Точно, Ника... – подхватила Ира Гвоздева тем особым, почтительно-настойчивым тоном, каким принято закрывать важную, но невыносимо скучную тему. – Ты наслушалась Максимыча и ударила в химию.

– Братцы, кстати! – опять поднял рюмку Грушин. – Давайте выпьем за нашего дорогого классного руководителя, учителя химии и просто прекрасного человека – Андрея Максимовича Мессинова!

– За Максимыча! – дружно потянулись все чокаться.

– Какой хороший мужик... Где он сейчас, а?

– Да, кто-нибудь знает что-нибудь об Андрее Максимовиче? – крикнула Женя Мещерская. – Он жив? Где он?

– Вроде жив... Ему лет шестьдесят пять сейчас должно быть!

– О Максимыче тоже ничего не известно, – спохватилась Лиля Рыжова. – Я в школу звонила, говорила с Ниной Ильиничной, директрисой, – она по-прежнему в школе директорствует, представляете? – так вот, Максимыч уволился из школы через год после нашего выпуска, ушел преподавать химию в какой-то институт...

– Да, ему с нами скучно было! – кивнул Альберт. – Помните, он грозился – «уйду я от вас»!

– А я его понимаю... – улыбнулась Женя рассеянно-печально. – Сколько он с нами мучился! Вместо того чтобы предмет преподавать, ему дисциплину приходилось налаживать...

– Каждому учителю надо медаль давать. Или орден. Вот я ни за что бы в учителя не пошел... Даже за миллион!

– Был бы тут Максимыч, он бы много чего интересного рассказал, – в беседу опять вступила Рита Лымарь. – Когда Клим пропал, он его тоже пытался найти... Помогал многим ребятам, кто-то там чуть в тюрьму не загремел – из того класса, который после нас шел. Так Максимыч вызволял...

– А Мухин-то где? – неожиданно заорал кто-то из угла. – Жень, где Мухин?

Женя Мещерская передернула плечами, ответила насмешливо:

– Откуда я знаю... Я не жена ему!

– А помните Черного Канцлера? – вдруг улыбнулся Витя Ерохин чему-то своему.

– Кого-кого?

– Что-то знакомое...

– Это колдун!

Беседа опять приняла новый оборот.

Ерохин охотно принялся объяснять:

– Нет, Черный Канцлер – не колдун. Это мужик такой был, то ли сто, то ли двести лет назад помер... У него склеп на Переведеновском...

– Где?

– На Переведеновском кладбище! И, типа, если на том склепе желание свое написать, то оно непременно сбудется.

– Бегал я туда... Писал, писал сколько раз... – обиженно пожаловался Алеша Грушин, уже изрядно пьяненький. – И не сбылось! Враки все...

– Это из серии «городские легенды», – интеллигентно блестя очками, начал Альберт. – Я об этом Черном Канцлере читал где-то... Никакой он не Черный Канцлер, а чиновник в царской России – то ли статский советник, то ли тайный советник, бог его знает. Но действительно занимал высокий чин в какой-то канцелярии – то ли при Николае Первом, то ли при Александре Втором. Имени не помню – то ли фон Дорн, то ли фон Борн... Берг...

– Неважно! Дальше-то что?

– Всю жизнь этот Черный Канцлер провел в своей конторе, ничем больше не интересовался – только карьера и деньги. А на старости лет угораздило его вдруг влюбиться, – с достоинством уважаемого рассказчика продолжил Альберт. – Девушка – юная, хорошенькая, легкомысленная, и на Канцлера она – ноль внимания. И так он к ней, и этак... А под конец немного спятил и действительно увлекся колдовством – тут Витя прав. Черной магией. Приворожить хотел, видно, ту девицу. Но она над ним посмеялась – ты глупый старик, ты все врешь, ты ничего не можешь уже... Тогда он заявил всем – кто желает, обращайтесь ко мне, помогу. Бесплатно. Даже мертвый помогу... Умер, и к его склепу стали люди приходить, писать на стенах свои желания... Не знаю, сбывались ли... Вон Леха не верит!

– Туфта, – скорбно кивнул Алеша Грушин.

– Минутку-минутку, а девушку-то ему удалось приворожить? – заволновалась Рита Лымарь.

– По-моему, нет, – развел руками Альберт.

– Бред какой-то... – хихикнула Ира Гвоздева. – Детские сказки. Пора бы и забыть о них!

«А я про Черного Канцлера не слышала ничего... – подумала Вероника. – И вообще, кого могут интересовать кладбища...»

– За любовь! Давайте теперь выпьем за любовь! – с жаром воскликнул Грушин.

– За *первую* любовь! – поправил Альберт.

Публика бурно одобрила этот тост...

Вечер встреч стремительно перетекал в банальную пьянку. Все было в точности так, как описывала Вероника коллега Маша, – бывшие одноклассники перепились и... устроили танцы. Нечто среднее между канканом и сиртаки. Орали, бесконтрольно обнимались, напропалую выдавали детские тайны, клялись в любви и вечной дружбе...

Вероника шепнула Лиле, что ей пора, и по-английски выскользнула из зала.

У гардеробной Веронику нагнала Женя Мещерская:

– Ника, уходишь?

– Да, пора...

– Тарасу привет!

– Обязательно.

Как уже упоминалось, Женя Мещерская выглядела великолепно. Она с честью несла по жизни знамя первой красавицы класса. Наверное, многие из бывших товарок сегодня успели позавидовать ей – хорошо выглядит, замужем, есть сын (фотографии мужа и сына выложены на сайте «Одноклассники.ру»), есть возможность ездить по миру, обеспечена, не работает... Мечта любой женщины!

Но Женя показалась Веронике какой-то печальной. Нет, Мещерская весь вечер болтала, смеялась, немного язвила, немного кокетничала – но вместе с тем на сердце первой красавицы словно камень какой лежал. Может быть, она ждала появления Сени Мухина? А Сенька так и не пришел...

– Ника, даже не знаю, стоит ли рассказывать... – Женя Мещерская свела соболиные брови, нахмурилась.

– Ты о чем?

– Ладно, расскажу. Я об Але Головкиной... Все спрашивают – где Алька, где Алька...

– Так ты знаешь, где она?

– Нет. Но... Короче, лет пятнадцать-семнадцать назад моя мать приехала в Москву по каким-то своим делам и случайно встретила отца Альки. Мы же всей семьей из России тогда уехали – я, мама, папа. Ты Алькиного отца не видела? Жаль! Серьезный такой дядька, как будто персонаж из старых советских фильмов... Передовой рабочий, коммунист, непьющий, всегда правду-матку в лицо людям говорил, очень правильный...

Женя достала сигареты, щелкнула зажигалкой, выдохнула... Вероника терпеливо ждала продолжения.

– Так вот. Мама его спросила: «Ну, как там Аленька поживает?» Мы же с Алькой в последних классах неразлейвода были... А Алькин отец ей: «Алевтина стала путаной и ушла из дома!»

– Алька – путана?.. – ахнула Вероника. – Ни за что не поверила бы...

– Никуся, вспомни, какие тогда времена были! – усмехнулась Женя.

– Но только не Алька...

– Никуся, я давно поняла – в этой жизни может произойти все, что угодно, – сдержанно произнесла Женя Мещерская.

– Послушай... Да, тогда были тяжелые времена. Фильм этот, «Интердевочка», – только и разговоров что о путанах! Но Алькин отец – такой, как ты его описываешь, слишком правильный и бескомпромиссный... Он мог ошибаться! Ну закрутила Алька роман с каким-нибудь иностранцем, а отец сразу на дочери клеймо поставил: «В Советском Союзе секса нет!»

– Союз к тому времени уже распался, – напомнила Женя. – Ну да неважно... Потом мама еще раз приезжала сюда, но узнала, что Алькин отец умер. Об Альке ничего не известно, в их квартире жили уже другие люди. Вот и вся история. Хочешь – Расскажи кому-нибудь, не хочешь – не рассказывай. Самой мне неудобно эти слухи про Альку распространять.

Женя курила, опершись о гардеробную стойку, глядела в сторону.

– Ты из-за Альки так переживаешь? – тихо спросила Вероника.

– Что, заметно? Нет, Никуся, не из-за Альки, – спокойно, даже ласково произнесла Женя. – Я очень нормальный, адекватный человек. Чтобы переживать, мне нужны реальные факты и подтверждения, а Алькина история пока еще ничем не подтверждена...

– Ты бы хотела найти Альку? – негромко спросила Вероника.

– А она – хотела бы меня видеть? Хотя мы с ней никогда не ссорились, просто жизнь нас развела в разные стороны... – Женя медленно выдохнула дым из красиво очерченных ноздрей. – Ладно, иди, Ника, не буду задерживать. Очень рада была тебя видеть...

Вероника попрощалась и вышла из кафе.

Было начало одиннадцатого, но светло как днем. Начало июня... Напротив, через дорогу, – здание родной школы.

– Ника! – сзади хлопнула дверь. Света Шиманская – высокая, крупная, с круглыми черными глазами, с копной буйных кудрей. Двадцать лет назад на уроке физкультуры она стояла первой из девчонок. Ныне – бухгалтер строительной фирмы. – Слушай, ты дай мне свой телефон, я насчет клиники... Очень хочу похудеть!

Вероника протянула Свете визитку.

– Вот спасибо... Ник! – Света буравила Веронику разгоряченным взглядом, на круглых щеках ее гулял свекольный румянец. Помнится, пробежав стометровку на уроке физкультуры, Света выглядела точно так же...

Вероника поняла, что Свету тоже распирает какая-то тайна.

– Я тебя слушаю.
– Ты в курсе насчет Лильки Рыжовой?
– Ты о чем?
– Держи ухо остро, в свой дом ее не пускай!
– Почему?
– Ох, Ник, ты прям как не от мира сего... Я как услышала, что ты ученый, сразу поняла – тебя надо предупредить.

– Да не томи ты! – сердито засмеялась Вероника.
– Короче – у Лильки с Тарасом в школе был роман. В последнем классе. Не знала?
– Не-ет...
– Она, когда все за первую любовь чокались, прямо так и буравила тебя ехидным взглядом. Да чего там – буквально с ненавистью тарасилась!

– Свет, я не знала, что у Тараса с Лилькой был роман, – честно призналась Вероника. – То есть подозревала, что Лильке нравился Тарас, но... О том, что у них все так серьезно было, – не догадывалась.

– Господи, как хорошо, что я тебя успела предупредить! – Света размашисто перекрестилась, вспугнув стаю голубей, прикорнувших над козырьком. – В общем, ты все поняла. Предупрежден, значит, вооружен!

С этими словами Света снова скрылась за дверью.

«У Тараса с Лилькой... Ну и что? Это было давно. Вот почему он так не хотел снова ее видеть...» Вероника устало зевнула. Она ничуть не ревновала мужа, хотя открывшийся факт, безусловно, был для нее неожиданностью. Было – и было. После окончания школы Тарас слишком много времени тратил на нее, Веронику. Буквально не отходил... да и потом у Вероники не было поводов его ревновать.

«Такое отвращение испытывают только к бывшим любовницам... – мелькнула у Вероники новая мысль. – Когда Тарас увидел Лильку у нас дома, его буквально перекосило. Наверное, он подумал: «И это крашеное чучело я любил?!» А Лилька до сих пор забыть не может Тараса – это тоже факт, как сказала бы Женя Мещерская!»

Вероника взмахнула рукой, ловя проезжающее мимо такси.

– Свободны? Направо, до торгового центра, а потом через весь проспект...

Сидя в машине, она закрыла глаза.

«Ребята говорили, что я не изменилась. Даже хвалили, что хорошо выгляжу. Но... как-то слишком вежливо, по-братски, что ли. Я холодная. Я словно мертвая – права Машка... Я ничего не боюсь – не боюсь ходить по улицам поздно вечером, не боюсь ездить в такси... Меня никто не замечает, никто меня не воспринимает как женщину!»

Неожиданно Вероника поняла, что в этом мире никому не нужна, кроме мужа. А Тарас у нее – самый замечательный мужчина на свете. Вот ей повезло! А как он был прав, что отказался регистрироваться на сайте однокашников, не видя ничего интересного во встречах бывших выпускников... Мудрый Тарас.

Лучше не встречаться со своим прошлым. Не обниматься с людьми, с которыми уже ничего не связывает. Не узнавать старых тайн. «Потому что в этом есть что-то некрофилическое, противоестественное... Все равно как эксгумировать труп человека, которого когда-то любил, – «ой, а я хочу еще разок на него посмотреть!» Поздно. Смотреть уже не на что...»

...Тарас сидел в своем кабинете, разбирал ворох бумаг.

– Ну как банкет?

– Ненавижу банкеты! – мстительно произнесла Вероника. Поцеловала мужа, обняла его крепко-крепко.

– А чего любишь? Или кого? – разнеженно мурлыкнул тот.

– Тебя. Только тебя. Ты – мой единственный... Хочешь – поклянусь? – Она заглянула ему в глаза.

– Я верю... – серьезно ответил Тарас.

– Ладно, не буду тебе мешать...

Ночью Вероника спала скверно. Обрывки сегодняшних разговоров шумели в ушах, перед закрытыми глазами мелькали чьи-то разгоряченные лица.

А потом сон перешел в кошмар. Как будто она – в старинном замке с каменными стенами. Стоит где-то в закутке, а по лестнице спускается некто – старый, лысый, скрюченный, с длинными ногтями на скрюченных руках, в черном балахоне до пят, с черными кругами вокруг глаз.

Когда-то давно Вероника видела черно-белый, еще немой фильм о вампире Носферату – смешно до идиотизма и жутко одновременно... Есть такие фильмы ужасов – сначала вместе со зрителями смеешься в темном кинозале над ужимками ожившего мертвеца, а потом, дома, в одиночестве, вздрагиваешь от каждого шороха, включаешь во всех комнатах свет... Некто из Вероникиного сна был копией этого Носферату.

Носферату ковылял к ней. Тянулся своими скрюченными пальцами, а на лице его дрожала жуткая и вместе с тем идиотская какая-то улыбка...

Утром Вероника долго не могла прийти в себя. «Это мне Черный Канцлер приснился!» – перебирая ассоциативные связи, неожиданно догадалась она.

Потом Вероника достала из стопки бумаг на своем столе старую школьную фотографию. Снова пристально оглядела всех тех, кто был на ней изображен.

Лиля Рыжова смотрела на Тараса. Тарас неотрывно смотрел на Веронику.

Нежная и гордая Алька Головкина высоко вскинула подбородок.

Женя Мещерская прижималась щекой к плечу Сени Мухина. Мухин выглядел чрезвычайно счастливым и довольным – как человек, которому весь мир отвечал взаимной любовью.

Вероника еще раз посмотрела на Клима. Когда-то она слышала, что выражения лиц умерших людей меняются на фото. Правда ли?

Клим был мертв, это не вызвало сомнений. Призрачное, неподвижное лицо с четкими зрачками...

– Прощай, – едва слышно прошептала Вероника. Вспоминать о нем не имело смысла. «Все-таки я не зря пошла на эту встречу выпускников! Теперь я знаю, что Клима нет. Кончилось мое наваждение!» – с облегчением подумала она.

И убрала фото прочь.

* * *

У Жени Мещерской были любящие папа и мама. Они мечтали видеть свою дочь счастливой. Но быть счастливой в разваливающейся стране, где царит хаос, страшно жить и даже продукты по карточкам, – невозможно.

Они решили уехать. Вот доченька сдаст выпускные экзамены – и в путь-дорогу...

– А Сеня? – растерялась Женя.

Надо отдать должное родителям, они великодушно предложили ее ненаглядному Сене ехать с ними.

Но Сеня Мухин этого сделать не мог. Во-первых, у него на тот момент болела мама, Беатриса Генриховна. Разве можно бросить больную маму? Только бессердечный изверг способен на такое! Во-вторых, Сеня не видел себя на Западе. Юноша без языка, без образования – кому он был нужен в чужой стране? А здесь, при всей нестабильности, он мог окончить институт, сделать карьеру...

Он предложил Жене – пусть ее родители едут, а они с ней, с Женей, останутся тут вместе. С Женей и больной мамой...

Но родители Жени были против того, чтобы оставлять дочь в этой страшной стране. Особенно после того, как троюродную Женькину сестру Лию случайно расстреляли возле Белого дома. А на дядю Артура наехали рэкетеры и отрезали у него правое ухо.

Ужас-ужас-ужас...

Жизнь дороже любви. «Надо ехать, доченька!» Родители были настроены решительно. Квартиру продали, вещи продали... Прочие родственники уже давно покинули страну, первым – дядя Артур, в надежде сделать за кордоном новое, искусственное ухо, затем отбыли безутешные родители Лии, спасая ее младшую сестру – Диану, теперь свою единственную дочь.

...Как безумные, Женя и Семен обнимались в аэропорту.

– Женя! Посадка заканчивается! – нервно звали Женю родители, уже стоя перед линией паспортного контроля. Потом отец подбежал, оторвал дочь от Сени и за руку потащил за собой...

Ледяной холод в сердце. От слез ничего не видно.

Женя сидела у иллюминатора и не верила в то, что больше никогда не увидит своего Сеньку. Такого сладкого и гадкого, вредного и милого. Пижона и зазнайку. Самого красивого мальчика в классе. Сильного и слабого одновременно. Верного и ветреного. Свою первую любовь, своего первого мужчину.

Потом...

А что было потом?

Чужая страна.

Женя немного пришла в себя, снова стала «разумной девочкой». Учила язык, пока родители с нуля пытались выстроить карьеру в чужой стране... Слава богу, здесь было много родственников, они помогли.

Однажды дядя Артур, уже с новым ухом (не отличить от настоящего!), привел в дом Леву. Лева эмигрировал из России давно, еще ребенком. Был на десять лет старше Жени. Очень, очень достойный мужчина. Серьезный и порядочный. С хорошей работой. Только дура могла упустить такой шанс.

Женя дурой не была. Она была очень разумной. Она вышла за Леву, через год у них родился сын. Поскольку Лева был представителем одного очень известного автомобильного концерна, им пришлось ездить по всему миру. Не жизнь, а сказка...

О Сене Женя ничего не знала.

Она старалась не вспоминать о нем. Какой в этом смысл? Она улетала на своем волшебном самолете все дальше и дальше от своего детства, от страны, от Немецкой слободы, где стояла их с Сенькой школа. От своих друзей, от Альки Головкиной, от бандитов, рэкетиров, продуктовых карточек...

Прошло почти восемнадцать лет. И словно гром среди ясного неба: «Женечка, меня переводят в Москву...»

Женя знала, что в России многое поменялось. Уже не так опасно и не так голодно было жить там. Но дело не в опасности, дело в другом...

Как Женя не хотела когда-то уезжать из России, так она теперь не хотела возвращаться туда.

Женя не стала рассказывать мужу о Сене Мухине. Она просто заявила: «Если иного выхода нет, то мы поедem в Москву. Но запомни, Левушка, ты об этом очень пожалеешь. В какой угодно город, в какую угодно страну... Но только не в Москву!»

Лева не отнесся к ее словам с должной серьезностью. Во-первых, его карьера была бы под вопросом, если бы он отказался от командировки (а карьера, деньги – главное, ибо он

единственный содержит свою семью!), во-вторых, Женечка всегда была очень разумной, адекватной женщиной. Она справится со своими прежними страхами, и все будет хорошо.

Ну и что получилось?

На третий день в Москве Женя нашла Сеню Мухина. Она забыла все телефоны, помнила только один-единственный – его. Правда, Мухин жил уже в другом месте, но Женя нашла его без проблем.

Нет большего разочарования, чем встретить своего бывшего возлюбленного спустя много лет и убедиться, как безжалостно время... Женя очень сильно надеялась на то, что ее сладкий и гадкий Сенька превратился в лысеющего пузана, перебивающегося от зарплаты к зарплате. Алкоголика. Неудачника. Тогда все было бы в порядке! Или у него была бы семья. Жена, дети, которых он безумно любил бы.

Но...

Сеня Мухин был еще красивее, чем в юности. Еще элегантнее и безупречнее. Цветок. Нарцисс. Король-солнце!

Солнце... Сенька был – как солнце.

И еще – безумно богат (сколотил себе состояние, играя на бирже в девяностые годы). И холост.

Двухэтажный особняк в самом престижном районе Подмосковья. С лифтом, пол которого представлял аквариум, в котором плавали золотые рыбки. С мамашей, занимающей весь второй этаж. Да-да, Беатриса Генриховна была еще жива, но все так же перманентно болела.

Сеня все делал шикарно и со вкусом – жил, ел, пил, любил... Не человек, а праздник.

И Женька пропала.

Муж узнал об их связи. Евгения могла бы быть поумней, скрывалась бы как-то, что ли... Ко всему прочему у Левы в этот момент тяжело умирала собственная мать. Смерть матери и известие о предательстве жены, так получилось, совпали.

Лева не выгонял жены, не подавал на развод.

Женя, забрав сына, ушла сама – в шикарный особняк Сени Мухина. Она себя ненавидела (предательница!), но ничего изменить не могла. Она так любила Сеню, что не владела собой.

Что было дальше?

Полгода безумной любви. Сын заброшен – один на один с Беатрисой Генриховной.

И тут выясняется, что Сенька вот-вот станет банкротом, его дорогуший дом заложен. Оно и неудивительно – времена королей-солнц давно закончились. Даже странно, что Сеня разорился именно сейчас, а не раньше...

Потом, Сеня требовал к себе исключительного внимания. Он просил, чтобы Женя всегда выглядела безупречно – в сексуальном белье, роскошном пеньюаре, с маникюром и прической, благоухая духами и туманами... Она тоже должна быть женщиной-праздником. А у Жени это не всегда получалось. Она для этого была слишком разумной.

Сеня увлекался легкими наркотиками. Ну так, любил «травку» курить... Любил богемный образ жизни – не спать, ездить по ночной Москве, зависать в модных клубах, общаться с модными людьми... Чем очень сильно отличался от Левушки, для которого долг отца семейства был превыше всего.

Женя не могла разлюбить Сеню. Но в какой-то момент она поняла, что больше не в силах жить с ним. И вместе с сыном сбежала в Германию к родителям. Сама с Сеней объясниться не смогла – заставила мать звонить в Москву, к Сене, и сказать тому, что между ними все кончено.

Мать тогда саркастически заявила Жене: «Я тебя не понимаю, доченька... Иметь такой фантастический секс и быть при этом такой фантастически несчастной?!»

Еще через некоторое время Женя договорилась с мужем, что вернется.

Лева нехотя, но принял ее обратно.

Они снова стали семьей – он, она, их сын.

Формально все восстановилось. Все-таки Лева был потрясающим мужем, хоть и немного скучноватым. Он по-прежнему приходил домой вовремя. Дарил подарки. Поздравлял со всеми праздниками. Вместе они ездили в отпуск... Он даже выполнял свой супружеский долг (!!!).

Но он перестал целовать Женю.

Потому что Лева знал – та все еще любит Сеню Мухина. Такая ситуация длилась уже два года.

Женю не покидало чувство, что все эти двадцать лет она летит в самолете.

Ей хотелось приземлиться наконец. А там – будь что будет.

* * *

Мыши в контрольной группе после инъекций витазина моментально набирали вес, прекрасно себя чувствовали и великолепно размножались. Восстановительный процесс был настолько стремительным и стабильным, что все сотрудницы лаборатории обмена веществ и метаболизма ликовали.

Побочные действия у витазина отсутствовали, потомство рождалось без мутаций. И даже больше того – мыши, получившие инъекции этого препарата, словно перестали стареть!

Вероника не преминула похвастаться этим Тарасу.

Но тот отозвался как-то вяло:

– У мышей аппетит прорезался? Отлично...

– Тарас, все в порядке? – моментально встревожилась Вероника.

– Да как сказать... Вот, почитай, – Тарас бросил на стол газету.

На второй полосе была статья, озаглавленная – «Хот-дог». В ней критиковали мясные заводы.

«...Да, на многих колбасах есть заманчивая этикетка – «продукт не содержит сои», но является ли отсутствие сои плюсом? Значит ли это, что вместо сои производители кладут в продукт мясо? Ничуть не бывало! Вместо сои идут в ход хрящи и сухожилия, измельченные кости и грубая соединительная ткань...» – читала Вероника.

«Состав продукта из сои тоже вряд ли кого может вдохновить. Вот, например, состав сосисок в полимерной оболочке: 45 % – эмульсия, 25 % – соевый белок, 15 % – птичье мясо, 7 % – просто мясо, 5 % – мука, крахмал, 3 % – вкусовые добавки. Для непосвященных объясняем: эмульсия – это кожа, субпродукты, отходы мясопроизводства – все размолотое и уваренное до состояния светло-серой кашицы...»

Далее в статье перечислялись заводы, которые производят такие малоаппетитные продукты. В их числе был и завод Тараса.

– О господи... – прошептала Вероника и отшвырнула от себя газету. Она прекрасно знала обо всем этом (сама Академия питания занималась подобными исследованиями продуктов), но была уверена, что на предприятии мужа дела обстоят гораздо лучше. Буквально верила – Тарас в колбасу кладет больше мяса! Наивная...

– Что скажешь?

– Это правда?

– Милая моя, а что ты хочешь услышать? Это бизнес! И ты нужна мне... Если бы ты работала у нас...

– Но мои исследования...

– Снова-здорово!

– Нет, – тихо ответила Вероника. – Но я обещаю подумать, Тарасик!

Тарас сморщился и отвернулся от жены:

– Если бы был жив дядя Коля... Он бы заткнул рот этим писакам! Они бы узнали, где раки зимуют...

Дядя Коля, родной и любимый дядя Тараса, умер лет десять назад. Он работал в милиции, дослужился до генерала. Вероника его хорошо помнила – полный немолодой мужчина с пронизывающим взглядом, от которого ей становилось не по себе.

Словно дядя Коля знал все ее тайны. Знал даже о Климе Иноземцеве... Хотя глупости – никто не мог знать, что Веронике нравился Клим.

– Тарас.

– Да?

– Помнишь Андрея Максимовича?

– Это какого?

– Нашего классного руководителя.

– А-а... Ну и что?

– Он у нас химию преподавал, – Вероника улыбнулась, моментально забыв о газетной статье. – Я думаю, что он был замечательным учителем.

– Хороший мужик, да. Но чего это ты вдруг вспомнила о нем?

– Я думаю, что я должна быть благодарной ему. Я ведь – биохимик. Био-ХИМИК. Это он заразил меня любовью к этой науке... «Заразил любовью к науке» – глупо звучит и пошло как-то, но... я не литератор, я других слов не нахожу.

– Ну и что?

– А помнишь, он приносил на уроки всякие колбочки, пробирки, показывал нам и говорил – вот нефть, вот вода из Мертвого моря, вот еще какое-то редкое вещество, вот то, вот это...

– Врал он все, – жестко оборвал Веронику Тарас. – Педагогический прием. Вместо нефти – чернила у него были в пробирке, вместо воды из Мертвого моря – обыкновенная вода из водопроводного крана.

– Я понимаю... Но все равно, он сумел меня заинтересовать!

Тарас с такой болью, с таким раздражением посмотрел вдруг на Веронику, что она моментально опомнилась:

– Тарасик, я просто отвлечь тебя пытаюсь...

Новая идея теперь овладела Вероникой – найти Андрея Максимовича и поблагодарить его. За все то, что он сделал для нее. Но как найти бывшего учителя химии? Из школы он давно ушел, никто из бывших одноклассников не знал, где он сейчас... И вообще, его тоже могло уже не быть в живых!

На следующий день, в обеденный перерыв, находясь на своем рабочем месте, Вероника подключилась к Интернету и набрала в строке поиска имя своего учителя. Выскочило гигантское количество информации, и по большей части бесполезной. Проще в стоге сена иголку найти!

Секунду поколебавшись, Вероника набрала – «Одноклассники. ру». Потом ввела пароль. И обнаружила в своем виртуальном почтовом ящике кучу писем.

Читать их не стала, а сразу же вошла в раздел под названием «Поиск людей». Написала – «Андрей Максимович Мессинов». А что, чем черт не шутит? Максимыч был всегда передовым дядькой, он тоже мог зарегистрироваться на этом суперпопулярном сайте!

Без результата. Выскочило несколько Масиновых, Месиновых и еще одна какая-то Саша Мессинова, тридцати одного года – эффектная брюнетка в пурпурном платье для коктейлей. «Однофамилица, наверное...» – расстроено подумала Вероника. Стало ясно, что через «Одноклассников» она своего учителя не найдет. «Ну и ладно... Ну и не надо!»

От нечего делать Вероника принялась читать письма, адресованные ей.

От Лили Рыжовой: «Ника, как дела? Наши снова решили собраться – десятого числа, там же, в то же время. Приходи и бери Тарасика – слышишь?!»

Вероника написала ответ: «Лилечка, сорри! Очень занята, прийти не смогу. Привет всем нашим. Тарас тоже занят...»

От Риты Лымарь: «Никусь, была рада тебя видеть! Пиши...»

От Жени Мешерской: «Вероника, ты в курсе, что наши опять собираются? Приходи!»

Вероника ей ответила: «Нет, не пойду. Если честно, не вижу в этом никакого смысла!»

От Вити Ерохина: «Вероника не знаю что делать попрежнему ищу Алё слышал Женю чтото знает но скрывает!!!»

Вероника ответила: «Витя, я говорила с Женей. Вести об Але Головкиной не самые хорошие, может, лучше и не знать их!»

Ерохин был на сайте, и он немедленно написал Веронике новое письмо: «Вероника меня ничем не напугаешь такое детство у меня теперь железный характер говори!»

Вероника: «Ходят слухи, что Алё была в лихие девяностые валютной проституткой. Лично я в это не верю!»

Ответив на всю корреспонденцию, Вероника хотела выйти из Интернета – благо обеденный перерыв уже закончился.

Но что-то беспокоило ее... Она снова вернулась к разделу «Поиск людей».

«Саша Мессина... А что, если она родственница Максимыча? Дочь, например! И даже как будто похожа...»

И Вероника написала письмо совершенно незнакомой женщине: «Саша, здравствуйте! Извините, что беспокою, но вы случайно не дочь Андрея Максимовича Мессина, учителя химии?»

Через час Вероника, сгорая от нетерпения, снова зашла на сайт.

Пришел ответ от Саши Мессина: «Да, Вероника, я дочь Андрея Максимовича – он когда-то преподавал в школе химию».

Вероника: «Как здорово! А я одна из учениц Андрея Максимовича – он еще был у нас классным руководителем. Мы его любим и помним!!! 10 июня бывшие его выпускники снова решили собраться – в кафе «Лукошко» напротив той школы, где он преподавал когда-то, в 6 часов вечера».

В этот раз ответ пришел сразу же: «Спасибо за добрые слова, Вероника, обязательно расскажу о Вас папе. Не знаю, сможет ли он прийти на встречу – приболел немного, но, надеюсь, скоро выздоровеет!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.